

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

Когда я падаю во сне

Карен Уайт раз за разом
доказывает, что она — голос
современной женской прозы...

Amazon

Зарубежный романтический бестселлер

Карен Уайт

Когда я падаю во сне

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уайт К.

Когда я падаю во сне / К. Уайт — «Эксмо»,
2018 — (Зарубежный романтический бестселлер)

ISBN 978-5-04-103177-0

1951 год На берегу реки стоит покрытый мхом дуб, Древо Желаний, что издавна хранит чужие секреты. По легенде, если написать свое сокровенное желание на ленте и положить ее в дупло, то оно сбудется. Три подруги – Маргарет, Битти и Сисси – решают испытать судьбу. Они загадывают желания, которые действительно начинают сбываться. Но совсем не так, как бы им хотелось. Наши дни Ларкин возвращается в необитаемый, полуразрушенный после пожара дом, где она когда-то жила со своей матерью Айви и с Сисси, которая их обеих вырастила. Пытаясь понять, из-за чего начался пожар в доме, Ларкин окунается в тайны далекого прошлого, и это заставляет ее переосмыслить собственную жизнь и отношение к любимым.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-103177-0

© Уайт К., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Один	6
Два	8
Три	13
Четыре	19
Пять	25
Шесть	32
Семь	38
Восемь	44
Девять	50
Десять	56
Одиннадцать	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Карен Уайт

Когда я падаю во сне

Посвящается Клэр

Saol Ait (по-гэльски «тонкое место»): места, где, по поверьям, пролегает трещина между мирами.

Если верить легенде, землю от небес отделяет всего три фута, а в тонких местах и того меньше. Карроумор, что в графстве Слайго, Ирландия, – одно из многочисленных тонких мест, разбросанных по всему свету. Время там не движется, и наш бренный мир тесно соприкасается с загробным.

Один

Айви

2010

Джорджтаун, Южная Каролина

Кажется, я умерла, но все равно чувствую аромат вечерней примулы. До меня доносится трескотня ласточек, парящих в кроваво-красном закатном небе над почерневшими коринфскими колоннами и полуразрушенными дымовыми трубами Карроумора. *Этот дом назван в честь легендарного ирландского «тонкого места».* Я слышу голос Сисси: она объясняет, что означает это название и почему мне следует держаться отсюда подальше, но, как всегда, я ее не слушаю.

Мы с Карроумором – старые развалины: фасад растрескался, фундамент подточен. По иронии судьбы мне суждено умереть именно в этом доме. В детстве я едва здесь не погибла. Похоже, Карроумор все эти годы ждал второго шанса.

Вдалеке слышится рокот мотора – это «Мустанг» Эллиса шестьдесят шестого года выпуска. Если бы я могла двигаться, то выбежала бы ему навстречу, пока Эллис не нажал на гудок. Папа терпеть не может Эллиса, его длинные волосы и этот автомобиль.

Но мне не шевельнуться. Единственное, что я помню, – у меня под ногой провалилась половица, послышался треск прогнившего дерева, и вот я лежу здесь, разбитая вдребезги.

Разум напоминает мне, что Эллис умер сорок лет назад, а свою драгоценную машину продал в шестьдесят девятом году, перед тем как отправиться в форт Гордон¹. На меня волной накатывает едкий запах выхлопа. Может, Эллис все-таки жив? Наконец-то он приехал за мной.

В кулаке у меня что-то мягкое и шелковистое. Видимо, в момент падения я судорожно сжала пальцы.

Лента для волос. Я взяла ее из комода у Ларкин. Ларкин, моя милая девочка... Она так стремилась походить на меня, а я, наоборот, боялась, что она станет такой, как я. Мне хотелось, чтобы моя дочь была счастлива. Ларкин уже не ребенок и давно выросла из ленточек для волос, но я сохранила ее комнату в неприкосновенности, надеясь, что однажды она вернется домой, когда найдет силы простить всех нас и саму себя.

Я помню, как черным фломастером выводила на ленте жирные буквы, выплескивая свою злость. Но это мое единственное ясное воспоминание. Я больше не чувствую злости и не помню ее причину. Помню только, как писала на ленте, а потом упала. Память играет со мной злую шутку – я в мельчайших подробностях вижу события сорокалетней давности, а то, что произошло всего полчаса назад, словно заперто в темном шкафу.

В голове раздаются громкие хлопки, перед глазами мелькают вспышки света, похожие на падающие звезды. Наверное, это ласточки прошлого, поселившиеся в моих воспоминаниях. Наконец приходит боль, раскаленная и четкая: она зарождается в основании черепа, поднимается и огромной рукой медленно сдавливает мозг.

¹ Форт Гордон – военная база в штате Джорджия, США. В период с 1950 по 1980 г. использовалась как тренировочный лагерь для новобранцев. (Здесь и далее примечания перев.)

Темнота накрывает меня, словно маска. Все вокруг погружается во мрак. Остается лишь запах выхлопных газов старой машины да пронзительный щебет ласточек, вернувшихся домой, чтобы свить гнезда.

Два

Ларкин

2010

Услышав вступительные аккорды старой песни, я оторвалась от компьютера и удовлетворенно огляделась. Люблю свой рабочий стол. Дело не в красоте или необычном дизайне – в нем нет ни того ни другого: просто мне по душе его обыденная функциональность.

Мой стол ничем не отличается от столов прочих копирайтеров из «Вокс и Крэндэлл» – рекламного агентства, где я работаю уже пять лет, – за исключением одного: на нем нет личных вещей. Ни фоторамок, ни безвкусовых безделушек, ни шариков из канцелярских резинок. На стенках, огораживающих мое рабочее место, – ни бумажки, ни фотографии, ничего, что напоминало бы о четырех годах, проведенных в Фордхэме². Единственная моя связь с прошлым – золотая цепочка с тремя подвесками; я ношу ее под одеждой, не снимая, и никому не показываю.

Никто не спрашивает, почему на моем столе так пусто, и слава богу. В Нью-Йорке никому не интересно, откуда ты пришел; здесь интересуются лишь тем, куда ты стремишься. Все принимают как данность, что у меня нет ни мужа, ни возлюбленного, ни детей, ни братьев или сестер. И это правда. Люди, с которыми я работаю, знают, что я родом откуда-то с юга, и то лишь из-за говора – я изредка растягиваю гласные или пропускаю слоги. Я никому не рассказывала, что родилась и выросла в Джорджтауне, Южная Каролина, а если закрою глаза, то ощущаю запах соленых болот и рек, окружающих мой город. Должно быть, мои коллеги думают, что я ненавижу свою малую родину и потому сбежала оттуда. Они ошибаются.

Чтобы покинуть отчий дом, есть и другие причины, помимо ненависти.

– Тук-тук.

У входа в мою кабинку топталась Джозефина – не «Джо», не «Джози», а именно «Джозефина». Из-за отсутствия дверей приходится выдумывать разнообразные способы, чтобы попросить разрешения войти. Джозефина – одна из наших секретарей; если с ней ладить, она вполне милая, но если кто ей не понравится, тому лучше держаться от нее подальше.

– Ты занята? – спросила она.

В этот момент я стучала по клавиатуре, так что ответ на вопрос был очевиден, однако Джозефина не склонна замечать подобные мелочи. Она из тех женщин, которые привлекают всеобщее внимание одним своим видом – изящная фигурка, блестящие каштановые волосы и неизменный загар, – поэтому считает, что для получения желаемого достаточно просто улыбнуться.

Я слушала музыку на «Пандоре»³. Не могу отвлечься от песни, пока не вспомню ее название: старая привычка, от которой никак не избавиться. «Мечтай», группа «Аэросмит». Я удовлетворенно улыбнулась.

– Что-что? – переспросила Джозефина. Кажется, я произнесла это вслух.

– Вообще-то... – начала я, но осеклась.

² Фордхэмский университет, или Фордхэм – частный католический университет, расположенный в Нью-Йорке, США.

³ «Пандора» (Pandora) – популярная в США служба потокового воспроизведения музыки в интернете.

Неясное беспокойство, преследовавшее меня с самого утра, переросло в дурное предчувствие.

«Кто-то прошелся по твоей могиле», – сказала бы Сисси. Это из-за сна, который снился мне ночью: я падала в черную бездну, каждый миг ожидая удара о землю.

Не замечая моей напряженности, Джозефина подошла ближе.

– Может, растолкуешь сон, который я видела прошлой ночью? Я куда-то бежала, но ноги будто увязли в смоле.

Я положила руки на стол, не поворачиваясь в кресле, надеясь, что Джозефина поймет намек.

– Просто погугли. В интернете много всего написано про сны. – Я снова занесла пальцы над клавиатурой.

– Да, знаю, но проще спросить тебя. Ты ведь у нас эксперт по снам. – И она лучезарно улыбнулась.

Пришлось со вздохом повернуться. Никакой я не эксперт, просто много читала на эту тему. Долгие годы я пыталась анализировать сны моей матери в попытке узнать ее получше. Наивно надеялась разобраться, что творится у нее в голове. Мне казалось, это поможет понять причины ее печали и тревоги, и с моей помощью мама наконец обретет душевный покой. У меня ничего не вышло, зато я живо заинтересовалась снами – окнами в подсознание. Теперь, если вдруг случайно попадаю на вечеринку, мне есть о чем поговорить, когда заканчиваются темы для разговора.

– У твоего сна миллион разных толкований. Например, ты не можешь достигнуть цели в карьере или в личной жизни, будто что-то тебя удерживает.

Джозефина смотрела на меня, недоуменно моргая, – то ли до нее не дошел смысл моих слов, то ли ей не под силу представить, что на ее пути к цели могут возникнуть препятствия.

– Спасибо, – наконец произнесла она, вновь безмятежно улыбаясь; все ее сомнения быстро рассеялись. – Ты едешь с девочками из отдела продаж в Хэмптонс⁴ на выходные?

Я отрицательно покачала головой. *Скорей бы уже вернуться к работе.* Каждый день в пять тридцать у меня тренировка в спортзале, значит, нужно уйти из офиса ровно в пять. Я привыкла держаться в форме, так что не могу себе позволить тусоваться после работы. Нет, я ничего не имею против коллег – они веселые, молодые и креативные, и даже тридцатилетние ведут себя совсем не как тридцатилетние. Просто предпочитаю общаться с ними в офисе, чтобы можно было ретироваться на рабочее место, если вдруг кто-то вздумает задавать вопросы помимо «в каком районе ты живешь?» и «как тебе проще добираться до работы – на метро или на такси?».

– Нет, – ответила я. – На выходных останусь в городе. – Что за люди? Жалуются на перенаселенность и тем не менее едут в одно и то же время на одни и те же пляжи, чтобы влиться в ту же самую толпу, от которой пытаются сбежать. – Все равно вода еще ледяная, апрель на дворе.

Джозефина сморщила носик; больше ни один мускул на ее лице не дрогнул. Она говорила, что использует ботокс лишь в качестве превентивной меры, но, судя по ее виду, скоро она станет совсем как женщины-горгульи, бродящие по бутикам на Пятой авеню. Как сказала бы Сисси, это просто неестественно.

– Не холоднее, чем обычно, – заявила она. – Давай с нами, будет весело. Мы сняли огромный дом в Монтоке. В моей комнате две большие кровати, если ты не против жить со мной. Истолкуешь всем сны.

⁴ Хэмптонс – группа деревень и поселков вокруг городов Саутгемптон и Ист-Хэмптон, на Лонг-Айленде, штат Нью-Йорк. Там находится фешенебельный морской курорт и популярное место для летнего отдыха.

Искушение было велико. Я никогда не тусовалась в компании и не водила дружбу с девушками, арендующими дома на курортах. В начальной школе у меня были подружки, но к средней школе все они разбились на группки, ни в одну из которых я не попала. Правда, я всегда дружила с Мейбри и ее братом-близнецом Беннеттом. Наши мамы были лучшими подругами, нас в младенчестве даже купали в одной ванночке. С тех пор мы все делали вместе – до выпускного класса, когда наша дружба приказала долго жить.

Воспоминания помогли мне побороть соблазн.

– Спасибо за приглашение, но я, пожалуй, останусь дома. Надо переставить мебель. Давно уже собираюсь.

Джозефина удивленно взмахнула ресницами.

– Ладно. Наверное, это к лучшему. Не хочу оказаться с тобой рядом, когда ты наденешь бикини.

– К твоему сведению, я не ношу бикини. – Мне как-то ближе футболка и шорты. – Но все равно спасибо. Может, в следующий раз.

На столе зажужжал мобильник. Для этого номера нет ни картинки, ни имени – я помню его наизусть. Я не шевельнулась, чтобы ответить на звонок.

– Не будешь брать трубку? – осведомилась Джозефина.

Ей даже не пришлось в голову уйти и дать мне поговорить в уединении. Я сбросила звонок.

– Нет. Потом ему перезвоню.

– Ему?

– Это мой отец.

Я принципиально не отвечала, сколько бы он ни пытался дозвониться. Когда я только приехала в Нью-Йорк, он часто звонил; где-то через год количество звонков сократилось до одного в неделю. Папа набирал мой номер в разные дни и разное время суток, словно хотел застать врасплох. Он не сдавался. Я тоже, ведь фамильное упрямство Ланье у меня от него.

– Значит, у тебя есть отец, – выжидательно произнесла Джозефина.

– А у кого его нет?

Телефон снова зажужжал. Я хотела положить мобильник в ящик стола, но на экране высветился другой номер – тоже знакомый, однако его обладательница никогда не звонит в рабочее время. Это Сисси – женщина, вырастившая мою мать; мне она как бабушка. Сисси с благоговением относится к тому, что я работаю в Нью-Йорке, поэтому не решается отрывать меня от дел. Не иначе что-то стряслось.

– Извини, – сказала я Джозефине. – На этот звонок я должна ответить.

– Ладно, только имей в виду: если твое мертвое тело найдут в мусорном баке где-нибудь на окраине Квинсленда, мы не будем знать, кому сообщить.

Пропустив слова Джозефины мимо ушей, я повернулась к ней спиной.

– Сисси, – сказала я в трубку. – Что случилось? У тебя все в порядке?

– Нет, золотце, боюсь, что нет. – Голос у нее хриплый, как будто простуженный. – Твоя мама...

– Что с ней?

Айви Ланье всегда была непредсказуемой, и я уже привыкла к ее чудачествам, но слова Сисси даже меня выбили из колеи.

– Она пропала. Ее никто не видел со вчерашнего утра. Твой папа вечером вернулся с работы, а дома ни мамы, ни машины. Мы обзвонили всех ее подруг... Никто ничего о ней не знает.

– Ее нет со вчерашнего утра? Вы вызвали полицию?

– Да, сразу же, как только поняли, что она исчезла. Шериф составил рапорт и отправил людей на поиски.

Мой разум переполнился и тут же опустел, как болото при отливе. Цепляясь за жалкие остатки слов, оказавшиеся в моем распоряжении, я наконец сформулировала вопрос:

– Где она была вчера утром?

Молчание.

– У меня. Айви приходит сюда каждый день – уже целый месяц реставрирует старый стол ее отца в гараже. Она заходила в дом; на кухне полный кавардак. Все, что лежало в ящиках, валяется на полу. Похоже, она что-то искала.

– Ты догадываешься, что именно? – Меня удивили панические нотки в моем голосе.

Сисси задумалась.

– Может, ей понадобились чистые тряпки для работы. У меня в кладовке их целый мешок. Правда, сейчас он пустой. Наверное, она забыла, что все извела.

– Но ведь мама искала в ящиках и буфетах.

– Да, верно. Я увидела – машины нет, и решила, что Айви просто уехала в хозяйственный магазин, но полиция проверила – она там не появлялась. Мы с твоим папой с ума сходим от беспокойства.

Я закрыла глаза, предугадав ее следующие слова.

– Возвращайся домой, Ларкин. Не хочу быть одна. Мне страшно... – Голос Сисси пресекался.

– Ты же знаешь, мама любит сорваться с места и куда-нибудь уехать. Ты сама прозвала ее одуванчиком, помнишь? Она не в первый раз уезжает, никому ничего не сказав.

Я понимала, насколько пусты и лицемерны мои слова. Снова вспомнился мой сон, и у меня перехватило дыхание, будто я наконец ударились о землю.

– Но ведь она всегда возвращалась в тот же день, – настойчиво заявила Сисси. – Полиция проверила все дороги на сто миль от города. Твой отец проехал по семнадцатому шоссе от Миртл-Бич до самого Чарльстона... Не хотела тебе говорить, но ночью мне снился сон. Как будто я падаю.

Я невидящим взглядом уставилась на черные буквы, мерцающие на экране компьютера, – эти безликие символы мгновенно утратили для меня свое значение.

– Ты приземлилась?

– Не помню. – Сисси надолго замолчала. – Прошу тебя, Ларкин, приезжай. У меня плохое предчувствие. Я хочу, чтобы ты вернулась домой. Мы все хотим, чтобы ты вернулась домой.

Я закрыла глаза и мысленным взором увидела родные края, ручьи и болота моего детства, впадающие в бескрайний Атлантический океан. Когда я была маленькая, папа говорил, что у меня в жилах течет морская вода. Наверное, именно поэтому я приезжаю домой только на Рождество: боюсь, что меня утащит приливом и я растворюсь в океане. Существует много разных способов утонуть.

– Ладно. – Я открыла глаза, ожидая почувствовать прикосновение травы к босым ногам, но вместо этого обнаружила лишь металлический рабочий стол и лампу дневного света. – Сяду на первый рейс до Чарльстона и возьму машину. Позвоню из аэропорта, чтобы ты знала, когда меня ждать.

– Спасибо. Скажу твоему папе.

– Позвони, если появятся новости о маме.

– Разумеется.

– Ты уже звонила Битти?

– Не думаю, что ей стоит... – возразила Сисси.

– Тогда я сама ей позвоню, – перебила я. – Если с мамой действительно что-то случилось, она захочет приехать.

– От нее одна только суматоха.

– Возможно. – И все же, несмотря на взбалмошный нрав, Битти дарила мне спокойствие во время бурь. – Битти любит маму не меньше твоего. Она должна знать, что произошло.

– Ладно. Звони, если хочешь, – недовольно буркнула Сисси. – Только приезжай как можно скорее.

Стоило мне повесить трубку, мобильник снова зажужжал. Я узнала код «843», однако номер был мне незнаком. Решив, что это могут быть новости о маме, я ответила:

– Алло?

Раздался низкий мужской голос, знакомый, как шум дождя, льющегося в полноводную протоку:

– Привет, Ларкин. Это Беннетт.

Не ответив, я сбросила звонок и перевела телефон в режим «без звука». Я как будто вернулась в свой сон – падаю и падаю в темную пропасть, не зная, сколько еще лететь, прежде чем ударюсь о твердую землю.

Три

Сисси

2010

Сисси стояла во дворе между входом на кухню и гаражом, пытаясь восстановить путь Айви и понять, что ей было нужно. Она осмотрела старый стол, похожий на гигантскую выпотрошенную рыбу, – полировка ободрана, ящики вынуты наружу, – потом еще раз проверила кладовую и кухонный сервант, чтобы определить, не пропало ли что-нибудь.

Однако Сисси так ничего и не нашла, и от этого тревога лишь усилилась. Она решила снова заглянуть в гараж, но тут раздался кашель мотора. На подъездной дорожке показался шлейф черного дыма. Сисси сразу поняла, кто это, еще до того как заметила пылающую на солнце огненно-рыжую шевелюру и выцветшую, облезлую обшивку некогда бледно-голубого автомобиля «Фольксваген Жук» семидесятого года выпуска.

Уже в семидесятых Битти была малость старовата для «жука», а теперь и подавно. Она утверждает, что этот автомобильчик точно ей по размеру, но все равно выглядит в нем нелепо, особенно с рыжими волосами и в несуразном цветастом балахоне. У нее вечно такой вид, будто она только что со школьной вечеринки, где все поливают друг друга краской. Незамужняя, отвергшая множество безутешных поклонников учительница рисования на пенсии, Битти обитала в Фолли-Бич, вела богемный образ жизни и ради заработка писала картины, изредка вторгаясь в размеренную жизнь Сисси.

Впрочем, Сисси не возражала. Когда-то, по словам ее матери, они были неразлейвода: Битти, Сисси и Маргарет, три девочки в коротких платьицах и лакированных сандалиях, неразлучные со школьной скамьи. Однако со временем их дружба потускнела и окислилась, словно медная кастрюля.

Битти подъехала ближе и дважды нажала на клаксон, заставив Сисси вздрогнуть от неожиданности – не иначе нарочно. Заскрежетали тормоза, и вот уже Битти проворно бежит навстречу, раскинув руки. Только оказавшись в ее объятиях, Сисси вспомнила ощущение надежности, которое дарит старая дружба: она словно выдавший виды, поеденный молью свитер – его все носишь и носишь, потому что когда-то в нем было тепло.

– Выглядишь неважно, – сообщила Битти вместо приветствия.

– А ты воняешь, как старая пепельница. – Сисси с неудовольствием оглядела ярко-голубые тени и алые пятна румян на лице подруги. *Ее макияж не меняется аж с шестидесятых.* – Если бы я так же красилась, все равно бы выглядела ужасно, разве что следов усталости на лице было бы поменьше.

– Я тоже рада тебя видеть, – сказала Битти, разжимая объятия. – Так что стряслось с нашей Айви?

Наша Айви. В Сисси всколыхнулся старый гнев. Как бы Битти того ни хотела, Айви ей не родная. Строго говоря, она и Сисси не родная, да только Сисси ее вырастила и девочка называла ее мамой. Что же это, как не родство?!

– Надо думать, ты хочешь кофе. – Битти – единственная из ее ровесниц, кто пьет крепкий кофе и потом спит как убитая. Подруги начали пить кофе в старшей школе, взяв пример с Маргарет, и с тех пор невосприимчивость Битти к кофеину действовала Сисси на нервы. – И не смей курить в доме.

Подъехала еще одна машина.

– Это Ларкин, – сказала Сисси. Битти радостно замахала руками – видимо, уже разглядела, кто за рулем. – Это Ларкин, – ревниво повторила Сисси.

«Нужно выйти вперед, чтобы девочке не пришлось выбирать, кого обнять первой», – запоздало подумала она. Однако Битти уже бежала навстречу красивой молодой женщине с золотистыми волосами, такими же, как у ее бабушки Маргарет. Битти и Ларкин обнялись, смеясь и плача одновременно, словно над шуткой, о которой Сисси ничего не знает.

Наконец Ларкин с улыбкой повернулась к Сисси. Та заключила ее в объятия, а потом, отстранившись, критически оглядела с ног до головы.

– Какая же ты худышка! Тебя, наверное, ветром сдувает. Пока ты здесь, буду готовить все, что ты любишь – кукурузный хлеб и жареного цыпленка.

– Здравствуй, Сисси. Есть новости о маме?

Ларкин взглянула на Сисси ярко-голубыми глазами, и той снова показалось, что перед ней Маргарет. Милая, любимая, невообразимо красивая Маргарет. Не «Мэгги», не «Мардж», не «Мег» – именно «Маргарет». Маргарет Дарлингтон из Карроумора, что на реке Санти. Все Дарлингтоны были умны и красивы, а об их удачливости ходили легенды. Легенды лгали.

Сисси положила руки на плечи Ларкин, ощутив под пальцами острые косточки.

– Нет, золотце, к сожалению, никаких новостей. Пойдем-ка в дом, поешь чего-нибудь, а я позвоню твоему папе, скажу, что ты добралась благополучно.

– Я уже поела. Может, кофе?

Битти подошла с другой стороны и обняла ее за талию:

– Вот это моя девочка. Я многому тебя научила, верно?

Ларкин прижалась щекой к ее макушке:

– Да, многому. Например, водить машину с механической коробкой передач, помнишь?

Однако от обмена воспоминаниями тревога за Айви не уменьшилась. *За мою Айви.* Не оборачиваясь, Сисси прошла на кухню и заварила крепкий кофе, а потом позвонила Мэку, чтобы пригласить его на ужин. Она не сомневалась – Ларкин остановится у нее, а не у родителей. В этом девочку сложно упрекнуть. Трудно простить отца, с позором лишившегося героического ореола в глазах единственной дочери.

Сисси с отсутствующим видом поднесла телефон к уху, вновь и вновь оглядывая опрятные кухонные полки и красивый чайный сервиз, с которого ежедневно смахивала пыль. Она потянулась поправить полотенце, висящее на ручке духовки, и замерла.

В щели между плитой и шкафом, почти у самого пола, что-то застряло.

Сисси оставила голосовое сообщение Мэку, положила телефон и с трудом опустилась на корточки. Колени хрустнули, словно битое стекло. Просунув палец в щель, она зацепила неопознанный предмет и извлекла его наружу.

– Тебе что, не встать? – поинтересовалась Битти, подойдя к ней.

Сисси хотела ответить, однако лишилась дара речи, разглядев наконец свою находку. Не обращая внимания на протянутую руку Битти, она ухватила за кухонный стол и медленно выпрямилась.

– Это что такое? – спросила Битти.

Сисси показала ей белую картонную бобину с выцветшим, но еще читаемым ценником магазина «Холлмарк». На ней был намотан небольшой кусок подарочной ленты из золоченой фольги, закрепленный пожелтевшим скотчем. Взгляды подруг встретились.

– Что вы там нашли? – подошла к ним Ларкин.

Сисси и Битти повернулись к ней, не в силах вымолвить ни слова. Ларкин взглянула на бобину.

– Это что, лента?

– Да, – наконец выдавила Сисси. – Наверное, лежала в ящике для мелочей. Думаю, твоя мама случайно ее уронила.

Ларкин наморщила лоб, совсем как Айви, когда удивлялась или сердилась. Точно так же делала и Маргарет.

– В чем дело? Почему вы обе так смотрите на эту штуку?

– Кажется, мы знаем, где твоя мама, – проговорила Битти.

– Поехали. – Сисси взяла с полки мобильник и ключи от «Кадилака». – По пути расскажем.

– По пути куда? – Ларкин выхватила ключи у нее из рук. – Я поведу, а вы рассказывайте. Только скажите, куда ехать, и я домчу нас быстрее ветра.

Сисси

Апрель 1951

Три девушки – мама Сисси упорно называла их женщинами, потому что им уже исполнилось по восемнадцать, – сидели в комнате Маргарет на большой кровати с балдахином, застеленной оборчатým покрывалом. Перед ними лежали три пары маникюрных ножниц и пышная нижняя юбка из шелкового тюля. Всего месяц назад подруги окончили школу, и Маргарет пригласила Сисси и Битти в Карроумор на уикенд, пообещав им большой сюрприз.

– А твоя мама не будет против? – робко спросила Сисси.

Ее мама была бы еще как против. Как супруга пастора методистской церкви миссис Тильден Пернелл всеми силами старалась подавать пример набожности, благопристойности и нестяжания. Нет, они не жили в бедности (мистер Пернелл никогда бы этого не допустил), но Сисси и два ее младших брата считали – мать возвела бережливость в такую степень, что их шотландские предки могли бы ей гордиться. Ее коронным блюдом был суп, который варился на всю неделю, и каждый день в него добавлялись остатки еды от ужина. Ллойд, старший из братьев Сисси, шутил, что только благодаря особым отношениям отца с Богом никто из Пернеллов до сих пор не отравился.

Такую же бережливость миссис Пернелл проявляла и в выражении любви к детям, хотя Сисси и ее братья не сомневались – мать их обожает. Она выказывала свою любовь тихо, без бурных излияний: ласковым рукопожатием, улыбкой за спиной у отца, читающего длинную нотацию из-за пустякового проступка, лишним куском пирога, пока никто не видит.

Маргарет элегантно приподняла левую бровь. Посмотрев «Унесенные ветром», девушки часами практиковались перед зеркалом, однако лишь Маргарет удалось овладеть этим умением.

– Мама позволяет мне делать все, что душе угодно. Сегодня моей душе угодно испортить новую нижнюю юбку, чтобы нам было с чем идти к Древу Желаний.

Сисси и Битти переглянулись, взяли ножницы и принялись разрезать юбку на полоски. Никто, включая Маргарет, не знал, когда и каким образом узкое дупло в стволе старого дуба, росшего на границе владений семьи Дарлингтонов, стало хранилищем желаний, тонким местом, ведущим в потусторонний мир. Дуб получил свое название во время Войны за независимость: тогда первая миссис Дарлингтон положила в дупло ленту с посланием для мужа, ушедшего воевать. Дерево послужило и в Гражданскую войну (учитель истории заставлял школьников называть те события именно так, несмотря на то что здесь – Южная Каролина, и недавно

скончавшаяся бабушка Маргарет величала их не иначе как «Недавняя размолвка»⁵), и в тяжелые времена, последовавшие для Дарлингтонов по ее окончании.

Мама Маргарет считала дерево божественным даром, посланным самим Создателем, и символом их фамильного везения. После Войны за независимость их предок вернулся домой целым и невредимым, стал отцом четырнадцати детей, и с тех пор в семействе царили достаток и благополучие. Даже во время Гражданской войны поместье Дарлингтонов не пострадало, поскольку тогдашний глава семьи был масоном.

Отец Сисси считал, что писать на лентах записки и совать их в дупло – чистой воды язычество, не то что старая добрая молитва. Тем не менее Маргарет упорно называла огромный дуб «Древом Желаний» и ходила к нему, когда нуждалась в дарлингтонской удачи.

Язычество или нет, но записки работали. Все, к чему прикасались Дарлингтоны, превращалось в золото. Их мужчины были красивы, женщины – ослепительны, а дети – умны. Они всегда казались чуть-чуть лучше других. Если бы Сисси не любила Маргарет всей душой, она бы обязательно ее возненавидела.

Мать Сисси это знала, поэтому всячески старалась охладить их отношения. Зависть – один из семи смертных грехов; даже если попытаешься замаскировать зеленоглазое чудовище под видом дружбы или восхищения, оно все равно будет таиться в засаде, готовясь вонзить в тебя когти.

– Я принесла кисти и краски, как ты просила, – сказала Битти.

Ее отец был директором школы, а мама – учительницей рисования. Родители Сисси и Маргарет не одобряли их дружбы с девочкой, мать которой работает, однако, несмотря на все усилия взрослых, узы, соединяющие подруг с первого класса, разорвать было невозможно.

– Отлично, – одобрила Маргарет, вставая с кровати. – Подумайте как следует, а потом напишите на лентах, какой хотите видеть свою жизнь. – Она блаженно улыбнулась.

Сисси вглядывалась в ленту, напряженно размышляя. Родители Битти позволили ей учиться живописи, а Маргарет еще с прошлого года пачками получает предложения руки и сердца от достойных молодых людей из хороших семей и с твердым положением в обществе. Она даже поступила в колледж Уэллсли⁶, но только потому, что жене сенатора (и в этом Маргарет была единомышленницей с родителями) следует иметь хорошее образование.

Будущее Сисси не подлежало обсуждению. Не то чтобы ее мнение ничего не значило, просто это дело решенное. Ей предстояло выйти замуж, желательно не за дурака или урода – и не за чрезмерно пылкого, лоснящегося от бриллиантина Уилла Харриса, на десять лет старше, посылающего ей многозначительные взгляды на воскресных службах. К сожалению, он был единственным кандидатом в мужья; больше никто не решался оказывать знаки внимания дочери пастора и проходить строгую проверку под ястребиным взором ее матери.

Заметив затруднения Сисси, Маргарет взяла ее за руку. Миссис Пернелл считала юную мисс Дарлингтон неглубокой и поверхностной, но Сисси точно знала – мама ошибается. Если человек родился безупречным, это не означает, что он не способен сочувствовать несовершенствам других.

– Не думай о реальности, Сисси. Думай о возможностях, мечтай! Представь себе то, о чем даже помыслить невозможно, и напиши.

– Ну, это просто. – Битти открыла баночку с красной краской, уселась на деревянный пол, разложила на нем ленту и кончиком кисточки вывела аккуратные алые буквы: «Я хочу стать выдающейся художницей».

⁵ «Недавняя размолвка» (Late Unpleasantness) – иносказательное название Гражданской войны в США, впервые вошло в оборот в Южной Каролине.

⁶ Колледж Уэллсли – частный женский колледж свободных искусств, основанный в 1875 г. в городе Уэллсли, штат Массачусетс. Его миссия – «предоставить отличное образование в сфере свободных искусств женщинам, которые будут иметь влияние в мире».

– Ты, наверное, имела в виду «великой художницей»? – уточнила Маргарет, наморщив изящный носик.

– Нет, – ответила Битти. Несмотря на малый рост, она на все имела собственное мнение и не стеснялась выражать его вслух. – «Великий» – понятие субъективное. Пойди разбери, кого считать великим, а кого нет. Вот если мое творчество сможет заставить людей задуматься, значит, оно выдающееся. – Она скатала две чистые полоски ткани и отложила их в сторону. – Больше мне ничего не нужно.

– Теперь твоя очередь, – обратилась Маргарет к Сисси. – Хорошенько подумай. Помни – ты можешь изменить свою судьбу.

Сисси, стиснув зубы, сердито взглянула на подругу. Маргарет легко, она же Дарлингтон. Ее жизнь – тихая лагуна, в которой полно устриц, и под каждой раковиной скрыта жемчужина. Можно мечтать о чем угодно. Сисси же понимала – ей самой уготована скучная жизнь, предсказуемая, словно приливы и отливы.

Повинуясь внезапному порыву непокорности, она взяла у Битти кисточку и написала самыми большими буквами, под стать ее мечте: «Я хочу выйти замуж за идеального мужчину – красивого, доброго, с хорошими перспективами, и моя любовь к нему будет бесконечна».

Она положила кисточку в пустую банку и подняла глаза на Маргарет. Та удивленно взглянула на нее, но промолчала.

– Теперь ты, – сказала Сисси.

– А я уже написала, – с лукавой улыбкой ответила Маргарет.

Битти и Сисси вновь уселись на кровать; на полу сохли ленты. Удостоверившись, что внимание подруг безраздельно принадлежит ей, Маргарет откашлялась и театральным тоном произнесла:

– А теперь – мой вам подарок в честь нашего выпуска.

Она сделала паузу, загадочно взирая на них ярко-голубыми глазами. Наконец Сисси не выдержала. Когда девочки ходили в кино, она единственная во время страшных сцен закрывала лицо руками.

– Ну же, Маргарет! Говори скорее!

– Папа, мама и тетя Дороти разрешили нам две недели пожить с тетей и дядей Милтоном в их доме в Миртл-Бич! Едем сразу после выпускного бала. Мама обещала договориться с вашими родителями – вы же знаете, она кого хочешь уговорит. Возьмем ее «Линкольн Космополитен» с откидным верхом.

Девушки взвизгнули от восторга и в обнимку запрыгали по комнате, стараясь не наступить на банки с краской. «Эта поездка станет прощанием с девичеством и пригласительным билетом в мир взрослых женщин, – подумала Сисси. – Может, по пути удастся немного повеселиться».

Маргарет подбежала к туалетному столику и достала из ящика сложенную ленту.

– Пойдемте скорее, вот-вот дождь начнется. Нужно вернуться домой, прежде чем мама примется обзванивать ваших родителей. – Она остановилась и торжественно взглянула на подруг. – Начинается новая жизнь. Навсегда запомните этот момент.

Все трое бегом спустились по изогнутой парадной лестнице в просторный холл. Из открытой задней двери пахло дождем и рекой. Мрачные тучи над горизонтом закрыли солнце, сгустили краски зелени и болота.

По пути к Древу Желаний Сисси оглянулась. Ей всегда нравился Карроумор, его изящная архитектура и точные пропорции. Однако сегодня тень от тучи приглушила ослепительно-яркую белизну фасада, отчего старый дом и весь пейзаж показались призрачными, словно ускользающие воспоминания.

На ветвях берез, вязов и дубов висели выдолбленные тыквы, обозначающие границу, отделяющую лужайку от сада. Вечерело. Вокруг деревьев порхала стайка ласточек, возвращаю-

щихся в гнезда внутри тыкв. Сисси на минутку остановилась, чтобы поглядеть на птиц, послушать их свист и чириканье. Теперь каждый раз при виде ласточек она будет вспоминать этот день и рубеж, который ей предстоит пересечь.

На краю луга, у самой реки стоял древний дуб, широко простирающий мощные ветви, точно приветствуя гостей. Маргарет подошла к дуплу и засунула туда свернутую ленту.

– Давайте быстрее. Сейчас хлынет, а я только что сделала прическу.

– А вдруг кто-нибудь вытащит наши ленты и прочтет, что там написано? – спросила Битти.

– До них доберутся ласточки и совыют гнезда, – объяснила Маргарет. – Дедушка говорил, птицы – это посланники, летающие между мирами. Они заберут твоё желание и донесут туда, где его услышат.

– Что ты написала на ленте? – поинтересовалась Битти.

В небе полыхнула молния, и на щеку девушки упала большая дождевая капля.

– Идемте, – поторопила их Маргарет, уже повернувшая к дому.

Битти и Сисси засунули свои ленты в дупло, даже не подумав, насколько абсурдным это выглядит со стороны. Маргарет Дарлингтон обладала властью, заставляющей здоровых людей совершать безумные поступки.

– Так что ты написала на ленте? – спросила Сисси, и её голос утонул в раскате грома.

Маргарет рассмеялась своим знаменитым смехом, гортанным и мелодичным, как у кинозвезды. Когда она смеялась, все оборачивались.

– То же самое, что и ты!

Стройная и длинноногая, она быстро обогнала подруг и первая добежала до заднего крыльца. Её золотистые волосы, потемневшие от дождя, приобрели оттенок спелой ржи.

Сильный порыв ветра толкнул Сисси в спину. До неё донесся странный звук. На ветвях раскачивались тыквы; сквозь круглые отверстия, похожие на рты, зловеще завывал ветер.

Содрогнувшись, она пустилась бежать. Маргарет, вся мокрая, уже стояла на пороге. Она казалась ещё прекраснее, чем обычно: волосы намокли и разгладились, обрисовав изящный овал лица. Сисси снова разозлилась на Маргарет за то, что та вечно выглядит лучше всех, не прилагая никаких усилий. А ещё за то, что пришлось разделить с ней свою заветную мечту.

Только намного позже Сисси поняла – в каждой легенде есть доля правды. Мама не зря говорила: «Будь осторожнее в своих желаниях».

Четыре

Ларкин

2010

За полтора часа пути из Чарльстона до Джорджтауна ко мне, кажется, вернулось ощущение, каково это – оказаться дома. Я случайно обнаружила радиостанцию, транслирующую рок-хиты, и каждую песню узнавала с первых аккордов. Есть в этом нечто обнадеживающее; видимо, я все-таки не полностью переродилась.

В последний раз я приезжала в Южную Каролину полтора года назад. Прошрое Рождество я пропустила, наврав, что собираюсь покататься на лыжах с подругами. Мне было проще провести праздник в одиночестве бруклинской квартирki, чем возвращаться в детство. Каждый раз, попадая сюда, я словно сдираю с сердца пластырь. Не хочу снова и снова испытывать эту боль.

Приземлившись в Чарльстоне, я взяла напрокат машину и помчалась по семнадцатому шоссе. Не надо было и окон открывать: едва ощутив пьянящий запах болот и увидев щиты, предлагающие масляные бобы и наживку, я поняла, что преодолела гораздо больше, чем шестьсот миль, отделяющие Джорджтаун от Нью-Йорка. Говорят, в гостях хорошо, а дома лучше. Тот, кто придумал эту глупую пословицу, не знаком с моей семьей.

Дважды звонили папа и Беннетт. Я не взяла трубку, убеждая себя, что безопасность на дороге превыше всего. Можно подумать, мне нужны отговорки. Добравшись до дома Сисси, я наконец перестала плакать и сделала вид, будто у меня все в порядке. Этим навыком я владею в совершенстве.

Не прошло и десяти минут после моего приезда, и вот я снова в пути. Сисси обещала рассказать, куда мы едем, но они с Битти то и дело перебивали друг друга, так что я ничего не смогла разобрать.

– Говорите по очереди! – прикрикнула я. Перелет, долгая дорога и нехватка кофе сделали свое дело. – Ты первая, – обратилась я к Сисси, зная, что ей будет приятно.

– Мы едем в старый дом твоей бабушки. Тот самый, в котором родилась твоя мама.

Я взглянула на Битти в зеркало заднего вида.

– Эта земля отошла штату еще до моего рождения, дом нам уже не принадлежит. Зачем маме ехать туда?

Битти сделала большие глаза, а Сисси потупилась, разглядывая свои руки. Ногти у нее всегда коротко подстрижены; сколько я себя помню, она красит их светло-розовым лаком одного и того же оттенка. Удивительно, как мало здесь все меняется.

– Что такое? Я чего-то не знаю?

– Твоя семья по-прежнему владеет Карроумором и землями вниз по реке, – ответила Битти, кладя руку мне на плечо. – Это опасное место, поэтому мы решили, что тебе следует держаться от него подальше.

– Не понимаю. – И почему в моей семье все так сложно? Честное слово, иногда мне жаль, что я не круглая сирота, какой пытаюсь казаться своим нью-йоркским коллегам. – Не надо было мне приезжать, – проворчала я, словно обиженный ребенок.

Сисси недовольно взглянула на меня. Я впервые увидела ее без прикрас: семидесятилетняя морщинистая старуха, покрытая солнечными пятнами от долгого сидения на берегу и в саду.

– Не говори так, Ларкин. Может быть, твоя мама попала в беду. Она нуждается в тебе.

Битти сжала мое плечо.

– Если она попала в беду, просто скажи себе: нужно надеяться на лучшее. Не забывай, следует всегда верить в лучшее.

Она говорила это раньше, когда я уезжала из Джорджтауна навсегда. Тогда Битти подарила мне золотую цепочку с тремя подвесками: перьевой ручкой, пальметто⁷ и стрелкой. «Я горжусь тобой, – сказала она. – Ты отправляешься навстречу новой жизни, и вот мой тебе подарок. Пусть он напоминает о мечте и о родине, которая навсегда останется твоим домом». Я спросила, что означает стрелка, она ответила: «Ты должна сама это выяснить». С тех пор я ношу цепочку не снимая и всегда прячу под одеждой, чтобы избежать лишних расспросов.

– Твоя мама – необыкновенная, Ларкин, – произнесла Сисси. – И ты тоже. Она со многим справилась, справится и с этим.

В ее лице смешались гнев и нежность, неразделимые, неотличимые друг от друга. С самого раннего детства Сисси внушала мне, что моя принадлежность к семье Дарлингтонов делает меня безупречной – самой умной, самой красивой, самой талантливой. Она пребывала в убеждении, что мне суждено стать звездой, несмотря на все свидетельства обратного.

Желание быть похожей на маму – свободолобивую, открытую всему новому и пренебрегающую общественным мнением – только подпитывало мои иллюзии. Все детство и юность мне казалось, будто я имею полное право помыкать родными и близкими, поскольку стою на пути к славе.

Сначала такое поведение помогло мне приобрести друзей, которых привлекал ореол звездности, но в конце концов они устали от моего мнимого превосходства и неприкрытого хвастовства. Все, кроме Мейбри и Беннетта: те дружили со мной, несмотря ни на что, пока однажды я не обнаружила – они такие же, как все остальные.

Я перевела взгляд на дорогу, по-прежнему чувствуя на плече ладонь Битти. Она как будто помогала мне сдерживать слова, готовые выплеснуться наружу.

Пока мы ехали, Сисси рассказывала о Карроуморе и происхождении его названия. Однажды, когда Айви была маленькая, отец привез ее туда, и она положила ленточку в дупло старого дуба под названием «Древо Желаний».

– Всего один раз? – Во мне кипели разочарование и возмущение. – Мама была там всего один раз, и ты считаешь, что сейчас она поехала именно туда?

– Совсем не один раз, – подала голос Битти с заднего сиденья. – Как только Айви научилась водить машину, она приезжала туда, и довольно часто.

– Откуда ты знаешь? – резко спросила Сисси.

– Айви сама рассказывала. Она говорила, что таким образом хотела быть ближе к Маргарет, своей матери.

– А мне ни словом не обмолвилась, – недовольно проворчала Сисси.

– Ей не хотелось тебя расстраивать.

Сисси вся окаменела.

– Сбавь скорость, – велела она. – Нужно повернуть направо; там проселочная дорога, ее легко пропустить.

– Надо же, ты помнишь, как туда доехать, – пробормотала Битти.

– Может, Айви не единственная, кто навещал дерево.

⁷ Пальметто, или сабаль пальмовидный, – вид пальм рода Сабаль, символ Южной Каролины.

По обеим сторонам дороги плотным забором стояли низкорослые сосны. Равнинные земли предпочитают скрываться от посторонних глаз, оберегая свои секреты, словно вечерняя примула перед закатом.

– Здесь поворот, – подсказала Сисси.

– Знаю. – Я повернула машину, вспомнив и этот поворот, и брешь между деревьями. Шорох шин по песку пробудил забытые воспоминания. – Я уже была здесь раньше. Очень давно, – пояснила я, почувствовав на себе взгляды пожилых дам.

Я без подсказки повернула на развилке налево. Деревья и кусты сгрудились плотнее, словно шепчущиеся дети.

«Хочу открыть тебе тайну», – говорит мама. Она ведет машину, а я, совсем еще маленькая, сижу на пассажирском сиденье. Я приподнимаюсь, чтобы выглянуть в окно, и ремень безопасности впивается в шею.

– Да, я уже была здесь раньше, – убежденно повторила я, не в силах определить: запах разросшегося сада – это воспоминание или реальность.

По обеим сторонам сузившейся дороги стояли кирпичные столбы, призванные сдерживать буйную растительность, к ним приварены большие железные петли – останки некогда внушительных ворот. Растрескавшийся раствор и выпавшие кирпичи служили наглядным свидетельством поражения в битве со стихией.

Солнце нырнуло за облако, и нас накрыла тень. У меня зазвонил телефон.

– Это папа. Сисси, ответь, пожалуйста. Скажи ему, где мы, на случай, если связь прервется.

Я сильнее нажала на газ. Из-под колес полетели камушки. Мама здесь, предчувствие не обманывает. Я словно вернулась в свой сон и падаю, ожидая столкновения с землей.

– Он уже едет, – сказала Сисси. – С ним Беннетт.

Я резко затормозила:

– Зачем он его взял?

Сисси вскользь глянула на меня:

– Потому что нам может понадобиться помощь.

Я нажала на педаль, и машина рванулась вперед. Дорога превратилась в две песчаные колеи, разделенные полосой травы. Заросли поредели, и вдруг вместо сосен и мелкий по обеим сторонам потянулись дряхлые дубы. Согнутые от старости стволы склонялись над нами, словно пытаясь разглядеть получше. С искривленных ветвей свисали лохмотья мха.

Я хотела спросить, почему Беннетт с отцом и зачем они пытались до меня дозвониться, но отвлеклась. На шестах и ветках висели полые тыквы, таращась круглыми отверстиями. В прошлый раз я испугалась их странного вида, а мама рассказала мне про ласточек – они селятся в тыквах, потому что за сто лет сосуществования с человеком разучились строить гнезда.

Мы с мамой подошли к старому дереву у реки; его ствол шире нашей машины. Мама отпустила мою руку, вытащила из кармана скатанную ленту и прижала ее к сердцу.

– Что это? – спросила я.

– Желание. Я написала его на ленте.

– Что за желание?

Мама опустилась рядом со мной на колени; я хорошо это запомнила, потому что впервые заметила, как она смотрит сквозь меня, будто я призрак.

– Если скажу, не сбудется. Это все равно что загадать желание до того, как начнешь задувать свечи на торте.

Она засунула ленту в узкое отверстие в стволе. Небо потемнело: стая ласточек, оглушительно щебеча, вернулась к своим гнездам.

– Нам пора. – Мама пошла прочь, даже не взяв меня за руку, словно торопилась побыстрее уйти.

Не раздумывая, я вытащила ленту и развернула ее. На ней были какие-то слова. Я еще не умела читать, поэтому не поняла, что там написано.

Я смотрела маме вслед, крепко сжав кулачки. Сисси обязательно бы рассказала про желание. Она ничего от меня не скрывала: по ее мнению, я была весьма развитой для своего возраста. Мама всегда говорила, чтобы я не торопилась взрослеть и наслаждалась детством. А мне хотелось поскорее вырасти и стать похожей на нее.

Я сунула ленту под резинку трусов, побежала за мамой и, сев в машину, пристегнулась без напоминаний.

– Что такое? – спросила Битти.

Сама того не заметив, я нажала на тормоз.

– Просто... – Я повернулась к Сисси, ведь она знала маму лучше всех нас. – Мама здесь, я чувствую.

Мы доехали до конца дубовой аллеи и оказались перед развалинами Карроумора. Старинный особняк в неоклассическом стиле величественно возвышался над согбенными деревьями; даже обвалившаяся крыша и зияющие оконные проемы не нарушали образа светской дамы, приветствующей гостей. Из второго этажа, точно поднятые кулаки, торчали кирпичные дымоходы. Коринфские колонны невозмутимо тянулись вверх, несмотря на осыпавшуюся штукатурку и полуразрушенные основания.

– Надо объехать дом вокруг, – распорядилась Сисси, взволнованно подавшись вперед. – Айви не стала бы заходить внутрь.

Откуда такая уверенность в том, что мама сперва подумала, прежде чем что-то делать? Она никогда не отличалась рассудительностью. Наверное, Сисси просто пытается убедить себя, что ничего плохого не может произойти, словно ребенок, услышавший шум в темной комнате.

Машина выехала на неровную почву. По днищу заскребла сломанная ветка. Я остановилась у развалившихся деревянных ворот, некогда преграждавших вход в сад. Сквозь лобовое стекло, усеянное трупами насекомых, виднелась река. Знаменитый двухсотлетний дуб по-прежнему стоял на берегу, такой же величественный и безучастный, как и дом. И такой же заброшенный и одинокий.

– Дальше не поедem. Боюсь застрять. – Я выключила мотор. – Ждите здесь, я проверю, что там.

Словно не слыша меня, обе пожилые дамы вышли из машины.

– Ларкин, ты оставайся тут, подожди папу и Беннетта, – велела Сисси. – Битти, иди к дереву, а я пойду в дом. Если увидишь Айви, кричи.

Я открыла было рот, чтобы возразить, как вдруг заметила мамин темно-синий «Кадиллак». Мама уже много лет хранит верность одной марке. Каждый год, после осмотра у зубного, папа покупает ей очередную модель. Он любит повторять, что для его благополучия важнее всего две вещи – здоровые зубы и уверенность в маминой безопасности на дороге. Если бы я не знала правду, то считала бы, что они счастливы в браке.

– Мама! – Я побежала к машине, зная, как будет пахнуть в салоне (новой кожей и маминым лаком для волос) и как он будет выглядеть (идеально чистым, потому что папа пылесосит и моет его почти каждый день). – Мама! – крикнула я, распахивая водительскую дверь.

На пассажирском сиденье лежала мамина сумочка, в замке торчал ключ зажигания. Я заглянула на заднее сиденье и проверила багажник.

– Она здесь? – спросила Битти, тяжело дыша и обливаясь потом.

За ней семенила Сисси, прижимая ко лбу бумажную салфетку; у нее был такой вид, будто она вот-вот упадет в обморок.

Я отрицательно покачала головой. Меня наконец накрыла паника, которую я сдерживала с того самого момента, как увидела звонок Сисси в Нью-Йорке.

– Ты взяла телефон? – спросила я запыхавшуюся Сисси. Та кивнула. – Хорошо. Звони папе. Скажи, мы нашли мамину машину. Я пошла в дом, а вы ждите здесь.

Щербатые кирпичные ступени вели к деревянной двери, некогда выкрашенной черной краской. Стекла в верхней части выбиты, на месте дверной ручки дыра.

Сисси наконец обрела дар речи.

– Где это ты научилась так командовать?

Не отвечая, я принялась подниматься по лестнице, выбирая кирпичи понадежнее.

– Такое воспитание, – заметила Битти то ли одобительно, то ли осуждающе.

Впрочем, какая разница, что она думает? Мое воспитание меня и погубило. От этого мне до сих пор не оправиться.

Я толкнула дверь; петли протестующе закричали. Внутри пахло дымом, отсыревшим деревом и временем. Сквозь разбитые окна в дом проникали полосы мутного света, уцелевшие стекла почернели от сажи. Помещение, в которое я попала, когда-то было застекленной террасой с видом на дуб и реку. Я осторожно двинулась вперед, обходя поеденные молью ковры и сломанную мебель, и очутилась в просторном холле.

Наверх поднималась изогнутая лестница; полированные перила казались по-прежнему надежными и элегантными в отличие от заплесневевших обоев и провалившихся ступеней, источенных термитами. Подняв голову, я увидела темнеющее небо; края обрушенного потолка обуглились, на закопченном полу валялись горы пепла.

– Мама, – негромко позвала я, словно опасаясь кого-то разбудить. – Мама!

В затхлой тишине раздался топоток невидимых зверьков. *Где ты? Что с тобой?* Я медленно обернулась, оглядывая сгоревший и разрушенный дом и пытаюсь понять, что маме могло здесь понадобиться и зачем она привозила меня сюда, когда я была маленькой.

Я потеряла равновесие и ухватилась за перила, едва не провалившись в дыру, которая до этого казалась лишь тенью на полу. Свежая сухая древесина ярким пятном выделялась на фоне закопченных и отсыревших половиц.

– Мама! – Я опустилась на колени, вгляделась в зияющую тьму, трясущимися руками достала телефон и включила фонарик.

Луч света выхватил расprostертую фигуру миниатюрной женщины в джинсах и фиолетовых сандалиях; волнистые светлые волосы, выпачканные красным, закрывали ей лицо.

– Она здесь, она здесь! – отчаянно крикнула я, не отрывая взгляда от мамы на случай, если она шевельнется. – Звоните в «Скорую», она ранена!

Мама не двигалась, ее глаза были закрыты, а рука неестественно вывернута. Я не могла определить, дышит она или нет, но это и к лучшему: если мама умерла, не хочу об этом знать. Мне не вынести даже мысли о том, что долгие годы я откладывала наш разговор на потом, а это «потом» никогда не наступит.

До меня донеслись голоса: Сисси что-то сказала папе, а он попросил ее подождать снаружи. Раздался звук шагов – два человека осторожно направлялись ко мне.

– Я в главном холле... идите аккуратно, – крикнула я. – Мама провалилась под пол.

Я не плакала; мозг включил режим самосохранения, однако во рту чувствовался соленый металлический вкус слез. Все-таки я не настолько нестигаемая, какой хочу казаться.

Папа положил ладони мне на плечи, оттащил в сторону, и там кто-то обхватил меня, не давая упасть.

– «Скорая» уже едет, Ларкин. Все хорошо.

Беннетт. Будь это кто-то другой, я бы расслабилась и дала волю слезам, но только не в его присутствии. Я застыла, не сводя глаз с дыры в полу. Мы все ждали звука приближающейся сирены.

Меня вывели из дома. Вместе с Сисси и Битти я наблюдала, как маму выносят на носилках и укладывают в машину «Скорой помощи». Папа сказал, что мама жива, но сильно пострадала; ее отвезут в больницу, и он поедет с ней.

Я направилась к своему автомобилю. Беннетт удержал меня. Его лицо до боли знакомо, взгляд дымчато-зеленых глаз – такой же настороженный и непроницаемый, как во время нашей последней встречи на берегу реки Сампит.

– Тебе не стоит садиться за руль. Оставь машину здесь, а я отвезу вас всех в больницу.

Конечно, он прав. Я кивнула, не в силах сказать «спасибо»: язык и губы словно онемели.

Беннетт открыл пассажирскую дверь папиного автомобиля, помог нам сесть и поехал вслед за «Скорой» под глумливый вой сирен.

Пошел дождь. Тяжелые капли падали на развалины дома, оставляли темные пятна на земле, мочили остатки крыши и пола – последнее оскорбление и бесчестие некогда прекрасного и горделивого особняка, в котором мне довелось побывать лишь однажды.

Я повернулась, чтобы еще раз взглянуть на Карроумор, и увидела удивленные лица и незрячие глаза тыкв. Мне вспомнился мой первый приезд сюда, лента, которую мама положила в дупло, и слова, которые я впоследствии прочла.

Возвращайся ко мне, Эллис. Я всегда буду любить тебя.

По щеке потекла горячая слеза. Я и сама не понимала, о ком плачу: о маме, которую никогда толком не знала, или о незнакомце, которого она обещала любить вечно.

Пять

Айви

2010

Боль пронизывает тело насквозь; значит, я еще не умерла, но в то же время и не жива. Наверное, я – призрак, застрявший между мирами. А может, это просто сон, и когда я проснусь, все будет как прежде.

Не уверена, что мне этого хочется.

Я помню, как отчаянно рвалась в Карроумор. А еще помню боль; это не та боль, что пульсирует у меня в голове и эхом отдается во всем теле. Словно холодная рука сжимает сердце, затрудняет дыхание. Мне было так же больно, когда я узнала об Эллисе. У меня болит душа, однако на сей раз не из-за него.

Сисси. Боль связана с ней, но я не могу вспомнить, как именно.

Я что-то держала в руке. Да, точно. Мне нужно было кое-что принести в Карроумор. Я не приезжала туда много лет и навещала дом моего детства лишь во сне. Каждый раз мне снился один и тот же сон. Особняк не тронут пожаром; крыша, полы, мебель – все целое и невредимое. Я стояла у двери, готовясь повернуть ручку. На моем рукаве кружевные оборки, а рука маленькая, как у девочки. Но это я, точно я.

Я так и не узнала, что будет, если повернуть ручку. Каждый раз я просыпалась с криком. Мэк старался меня успокоить, однако с тем же успехом можно пытаться вычерпать океан чайной ложкой.

Из-за моих кошмаров Ларкин одержима снами. Она стала настоящим толкователем сновидений. Верила – если разберется в их значении, они прекратятся. Хорошо бы ей это удалось: мы смогли бы вместе прогнать призраков, не дающих мне покоя, и у нас появилось бы нечто общее, помимо цвета волос и формы носа. Возможно, благодаря этой победе Ларкин обретет счастье и наконец откажется от стремления быть похожей на меня.

Я слышу ее голос, и мне становится легче дышать. Ларкин здесь, совсем рядом. Хочется надеяться, что она пришла навестить меня, но я в этом не уверена. Вечная проблема родителей и детей – мы хотим быть вместе и в то же время отталкиваем друг друга. Полагаю, Ларкин считает, это я виновата в том, что произошло с Мэком. Да, пожалуй, так оно и есть.

Она слишком хороша для меня, моя доченька. Господь по ошибке подарил неидеальной матери идеальное дитя, и, кажется, Ларкин всегда это знала. Даже в младенчестве, стоило взять ее на руки, она принималась плакать и успокаивалась, лишь когда ее забирала Сисси или Битти, словно догадывалась, что у меня внутри пустота, которую мне никак не заполнить. Вот что еще объединяет родителей и детей – мы всегда знаем, где болит.

– Мама, ты меня слышишь?

Я пытаюсь разлепить губы, но тело не повинуется. Да, это моя Ларкин. Чувствую ее запах. От нее всегда пахло солнцем и морским воздухом. «От этого так просто не избавиться», – сказала я ей, когда она сообщила, что не будет поступать в университет Южной Каролины, а поедет в Нью-Йорк. А ведь они с Мейбри уже выбрали себе одинаковые покрывала для их комнаты в общежитии.

Конечно, мне не удалось ее удержать. С самого рождения Ларкин была на попечении Сисси и Битти. Она выглядела и вела себя совсем как я, и меня это пугало. А потому я держа-

лась в стороне и подглядывала за ее жизнью из-за кулис. Сисси и Битти оказались отличной заменой; они заслуженно получили все лавры.

Мою руку накрывает теплая, мягкая ладонь: это Ларкин. У нее огромное, любящее сердце. Она умеет искренне и бескорыстно любить. Из-за этой редкой способности те, кому она дорога, считали ее безупречной, и Ларкин сама в это поверила.

Мне хочется попросить у нее прощения, но я не помню за что. Я очень утомлена. Слышен приближающийся звук мотора – это «Мустанг» Эллиса. Нужно во всем разобраться до того, как Эллис приедет за мной.

Ларкин

Я застыла в коридоре у маминой палаты, не замечая спящих людей. Перед глазами все еще стоял образ израненной женщины, неподвижно лежащей на больничной койке: я говорила с ней, держала за руку, надеясь получить хоть какой-то ответ, однако пальцы ее оставались безжизненными.

«Интересно, смерть похожа на сон?» – как-то спросила меня мама. Это случилось после одного из самых тяжелых ее кошмаров – ей приснилось, будто она ночью плывет по реке, совсем одна. Воспоминание потрясло меня, и я в который раз задалась вопросом: как она очутилась в руинах сгоревшего дома? Все-таки я очень мало знаю о своей матери.

В пять лет я случайно выяснила, что женщина, которую я всегда звала Айви, на самом деле моя мама. Я сказала Мейбри и Беннетту, что у меня нет мамы, а они ответили: «Мама есть у каждого». Я в слезах прибежала домой, и Сисси все мне объяснила.

Именно Сисси собирала коробку с завтраком и отвозила меня в школу, именно она ездила со мной за покупками в Чарльстон и организовывала дни рождения. Но моей настоящей мамой была Айви, красивая женщина с такими же волосами, как у меня, которая занималась балетом, пела в барах и на музыкальных фестивалях, сама шила себе яркие наряды в тех же тонах, что и нарисованные ею акварели, висевшие по всему дому. После того разговора я начала называть ее мамой, чтобы все знали, что она моя.

Нью-йоркский психотерапевт как-то спросила, любила ли меня моя мать. Я без колебаний ответила «да». Конечно, любила, я всегда это чувствовала. Мама часто говорила, что любит меня, обычно перед уходом на занятие, концерт или выставку. Сколько бы я ни просила, она никогда не брала меня с собой, говоря, что я должна найти собственные мечты, а ее мечты слишком печальны, чтобы ими делиться. Из-за этого мама казалась мне еще более загадочной и притягательной. Когда терапевт спросила меня, из-за чего она так тосковала, я не смогла найти ответ. И до сих пор не могу.

Я никогда не сомневалась в ее любви, как не сомневалась в любви Сисси или Битти. Я до сих пор работаю с терапевтом, пытаюсь выяснить, как трем любящим женщинам удалось довести меня до такого состояния.

– Ларкин!

Я вздрогнула и оглянулась.

– Это ты! – Мейбри совсем не изменилась – так же на голову выше меня, та же гибкая фигура, те же черные волосы, тот же загар.

Я хотела было спрятаться от нее в маминой палате, но решила, что не имеет смысла избегать неизбежного: Мейбри всегда добивалась своего. Поэтому я криво улыбнулась и подурачки помахала ей рукой.

Не обращая внимания на мою неловкость, она на удивление сердечно обняла меня. Я уткнулась лицом в зеленую медицинскую форму. Отец говорил, Мейбри работает медсестрой в операционной, однако мне как-то не пришло в голову, что я могу встретить ее здесь. Она отстранилась и оглядела меня, точь-в-точь как Сисси.

– Выглядишь сногшибательно.

– Ты тоже. – Я отвела глаза, смущенная ее пристальным взглядом.

– Мне очень жаль, что с твоей мамой случилось несчастье.

Я кивнула, ожидая разговора об извинениях, которые я ей задолжала. Через девять лет слишком поздно просить прощения. Я украдкой взглянула на нее, высматривая шрам на виске.

– Не волнуйся, волосы все прикрывают, – засмеялась Мейбри.

– Я приходила к тебе в больницу. После того... случая. Хотела убедиться, что все в порядке, но тебя уже выписали.

Мейбри взяла меня за руку.

– Я знаю и все понимаю. Жаль только, что за девять лет ты ни разу не позвонила, не написала и не зашла в гости. У меня родился сын. Ему четыре года, и он точная копия Беннетта, бедный малыш. – Она выпустила мою руку, ее лицо стало серьезным. – Не думала, что те события разлучат нас навсегда. Ты же знаешь, я не умею долго злиться. На сердитых воду возят.

Зато я умею. Я взглянула на нее, такую умиротворенную и довольную. Ее жизнь сложилась идеально, как она и планировала. В моей душе шевельнулось негодование. Возможно, не только я должна извиняться за то, что ей довелось пережить и из-за чего мне пришлось изменить всю мою жизнь.

Я махнула рукой в сторону зала для посетителей.

– Мне пора. Мы ждем новостей от маминого врача... – Я не стала заканчивать предложение, не в силах объяснить, что на самом деле злюсь на себя прежнюю, на глупую и наивную девочку, от которой уже почти десять лет пытаюсь избавиться.

– Да, конечно. Несмотря на обстоятельства, я все равно рада тебя видеть. Если что-то понадобится, только скажи. Я живу на Принс-стрит, рядом с родителями. Ничего выдающегося, не то что ты в Нью-Йорке. – Мейбри улыбнулась, и я едва не расплакалась, вспомнив, какими мы были, прежде чем сияющий прожектор судьбы испепелил наши детские грезы.

Я повернулась, чтобы уйти, однако от Мейбри так просто не отделаться.

– Ты уже написала свой великий роман, достойный Пулитцеровской премии? Я присматриваю себе выходное платье. Помнишь, ты обещала взять меня на церемонию награждения.

Меня едва не стошнило прямо на больничный линолеум: переживания последних суток наконец дали о себе знать. И почему окружающие помнят лишь самые позорные моменты твоей жизни? Например, как я репетировала благодарственную речь, которую никогда не произнесу.

– Я лучше пойду, – пробормотала я, оставив ее вопрос без ответа, и быстрым шагом направилась в зал для посетителей.

Папа с Беннеттом увидели меня первыми, и улизнуть незамеченной мне не удалось. Оба встали, отрезав путь к бегству. Взглянув на них, я тут же подумала, сколько всего пропустила, живя в Нью-Йорке.

Я собиралась уйти под предлогом, что мне нужно выпить кофе, но в этот момент из кабинета вышел мамин доктор, по-видимому, уже переговоривший с папой. Я решила догнать его и расспросить, однако передумала. Прежняя Ларкин именно так бы и поступила. Я вечно путала настырность и грубость с самоуверенностью, и эту привычку оказалось непросто искоренить.

В результате я уселась на стул, старательно избегая взгляда Беннетта и обратив все внимание на папу.

– Что сказал доктор?

Папа выглядел старше своих пятидесяти восьми. В безжалостном свете флюоресцентной лампы его загар казался желтым. У него был вид человека, волнующегося за жену, за любимую женщину. Мы оба знали, что это не так.

– Нужно набраться терпения и ждать. У нее трещина в черепе, сломаны кости таза, множественные переломы руки и стопы. Еще рано говорить о том, как будут развиваться собы-

тия. Я хочу перевезти ее в специализированный травматологический центр, но хирург сказал, что нужно повременить. Здесь у них есть необходимое оборудование и персонал для ухода за больными с такими травмами.

Его слова отскакивали от меня, будто дротики с тупыми наконечниками. Жаль, что здесь нет Сисси и Битти: они удалились в кафетерий. Прежде чем уйти, Сисси купила в автомате пирожное «Малышка Дебби» и сунула мне, заявив, что я должна поесть. Некоторые вещи остаются неизменными.

Папа откашлялся.

– Доктор говорит, до завтра не стоит ждать вестей, так что нам лучше вернуться по домам и отдохнуть. – Он потер затылок, как обычно делал, когда не решался смотреть мне в глаза. – Поеду домой, приму душ. Я со вчерашнего дня ничего не ел, но есть совсем не хочется. – Он заставил себя взглянуть на меня. – Может, поедешь со мной?

Я отрицательно покачала головой.

– Лучше останусь здесь, вдруг что-то изменится. – Я показала ему пирожное. – Съем, если проголодаюсь.

– Ну хорошо. – Папа засунул руки в карманы брюк. – Если что, звони. – На мгновение мне показалось, будто он хочет поцеловать меня в лоб. К счастью, он этого не сделал. – Ты идешь? – спросил он у Беннетта.

Тот покачал головой.

– У Мейбри скоро закончится смена. Я поеду с ней. – Беннетт вынул из кармана ключи от автомобиля и отдал их папе. – Потом зайду к вам, заберу машину.

Папа кивнул и, еще раз сказав «до свидания» куда-то поверх моей головы, вышел.

– Спасибо большое, что привез меня сюда, – обратилась я к Беннетту, – но если ты собираешься ждать сестру, я лучше посижу где-нибудь в другом месте.

Я начала вставать, но он удержал меня за руку.

– Да ладно тебе, Ларкин. Столько времени прошло. Мы оба взрослые люди, пора уже сесть и поговорить о том, что случилось и почему ты уехала, даже не попрощавшись.

Ты сам знаешь почему.

– Нет, не пора.

Он остался сидеть, спокойно глядя на меня зелеными глазами, как будто вовсе и не был свидетелем самого худшего момента в моей жизни и не ожидал с нетерпением его неизбежного наступления.

– Кстати, отлично выглядишь.

– Хочешь сказать, я больше не жирная. – Слова сами собой сорвались с языка.

Беннетт даже не моргнул.

– Я всегда считал тебя красавицей.

На мгновение я лишилась дара речи.

– Так думали только ты и Сисси. – Я взглянула на пирожное «Малышка Дебби» и положила его на столик.

Сисси вечно пичкала меня едой, надеясь заглушить разочарование и неуверенность в себе и пытаясь заполнить пустоту, вызванную отсутствием матери. Мне понадобилось два года работы с психотерапевтом, чтобы это понять.

– Пойду в кафе. Передай Мейбри – как только маме станет легче, я тут же вернусь в Нью-Йорк. Вряд ли у меня найдется время зайти в гости.

Выражение лица Беннетта не изменилось, но зеленые глаза смотрели холодно и оценивающе. В детстве его взгляд служил для меня своего рода барометром: по нему я определяла, что зашла слишком далеко. Некоторое время после отъезда я по-прежнему искала его взгляда в трудных ситуациях, теперь же все изменилось. Я стала совершенно другим человеком и научи-

лась объективно оценивать свои поступки. Меня до сих пор воротит от воспоминаний о прошлом.

– Передам. Она живет в квартале от твоих родителей. Уверен, ты сможешь найти окошко в расписании, чтобы заскочить к ней на пару минут.

Я не сомневалась – несмотря на радушный прием, Мейбри на самом деле не хочет меня видеть. По крайней мере, я бы на ее месте не хотела.

– Что ты знаешь обо мне и моем расписании? – огрызнулась я и снова поежилась под его бесстрастным взглядом.

– Она сказала тебе, за кем замужем? – спросил Беннетт.

Хорошо, что мой желудок пуст, иначе меня бы точно стошнило.

– Нет, не говорила.

– Ее мужа зовут Джонатан Хоупвелл. Славный парень. Они познакомились в медицинском училище. Мало ли, тебе интересно.

Беннетт явно пытался донести до меня информацию, которую, по его мнению, я хочу узнать. Я притворилась, что мне ни капли не интересно, и равнодушно кивнула.

– Ясно. Спасибо.

– У тебя кто-нибудь есть в Нью-Йорке?

– Нет. Я слишком занята на работе.

– Кто бы мог подумать. – Беннетт зажал ладони между коленями – верный знак, что он еще не все сказал. – Ты по-прежнему узнаешь любую песню с первых нот?

Если бы мама не лежала в коме, я бы рассмеялась. Правда, похоже, я забыла, как это делается.

– Нет, – солгала я. – Уже нет. – На ум пришел вопрос, не дававший мне покоя. – Почему ты вчера приехал в Карроумор вместе с папой?

В коридоре послышались шаги. Вошли Сисси и Битти. В руках у Сисси был поднос, на котором лежали обернутые в пленку куски пирога, пончик, брауни, две жареные куриные ножки и яблоко. Яблоко – это вклад от Битти, не иначе.

Беннетт встал и приветствовал пожилых дам.

– У Мейбри закончилась смена. Пойду к ней, – сказал он мне. – Позвоню попозже, расскажешь, как дела у Айви. Скорее всего, моя мама принесет вам чего-нибудь вкусенького, если уже не принесла.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Я, наверное, останусь у Мейбри на ужин. Если заглянешь в гости, все тебе расскажу. – Он торжествующе улыбнулся, попрощался и ушел, не дав мне возможности возразить.

Сисси расставила еду на кофейном столике, сняла крышки с каждого контейнера и положила пластиковые вилки.

– Ты, должно быть, умираешь от голода. Нужно поесть, чтобы набраться сил.

Я взяла яблоко и придвинула к ней пончик.

– Могу сказать тебе то же самое. С тех пор как мы нашли маму, вы обе так ничего и не ели.

Сисси и Битти без восторга взглянули на сладости.

– Не смогу проглотить ни кусочка, – призналась Битти. – Просто когда мы заботимся о тебе, нам не так тревожно за нашу дорогую Айви.

Сисси мрачно взглянула на нее, явно собираясь выдать резкость, но тут в зал вошла медсестра. В руках она держала коричневый бумажный пакет.

– Вы родственники Айви Ланье?

Я поднялась с места.

– Я ее дочь. С ней все в порядке?

– Пока без изменений. Я принесла личные вещи вашей мамы, украшения и одежду. Наверное, вы захотите забрать их.

– Да, спасибо большое. – Я взяла у нее пакет и расписалась в ведомости.

Когда медсестра ушла, я снова опустилась на стул, а Сисси и Битти сели по бокам. Пакет оказался очень легкий, будто пустой. Я вспомнила сандалии, которые были на маме, – наверное, они внутри.

– Откроешь? – поинтересовалась Битти.

– Думаешь, это правильно? – нахмурилась Сисси. – Когда Айви придет в себя, она не обрадуется, узнав, что мы рылись в ее вещах.

Битти пренебрежительно сморщила нос.

– Мэк забрал ее сумочку, так что ничего ценного мы украсть все равно не сможем. Я считаю, пакет нужно открыть – вдруг найдем какую-нибудь зацепку, почему Айви поехала в Карроумор.

– Это всего лишь одежда, Битти. Какие там могут быть зацепки? – Сисси потянулась за пакетом, но я не выпустила его из рук.

– А вдруг там записка? В любом случае нужно проверить. – Просто уму непостижимо: вечно мне приходится быть судьей между этими женщинами. Всю жизнь дружат и всю жизнь препираются.

– Точно, – подтвердила Битти, забирая пакет. – Вот Ларкин меня понимает. Верно, малышка? – И, не дожидаясь ответа, она принялась открывать пакет.

– Это я должна его открыть. Айви – моя дочь. – На глаза Сисси навернулись слезы.

Битти бросила на нее взгляд, который мне не удалось расшифровать.

– Я рада, что могу подменить тебя в этом нелегком деле. – Она открыла пакет и заглянула внутрь. – Здесь только ее одежда и сандалии. А еще вот это. – Она выудила со дна какой-то предмет.

– Лента, – произнесла я.

Сисси выхватила ее у Битти из рук и расправила у себя на коленях, так что мы смогли прочесть надпись:

Я знаю про Маргарет.

На ткань упала капля, смазав букву «М». Сисси не подняла голову и не попыталась вытереть слезы, падающие на ленту и превращающие ее в чернильную реку.

– Она имела в виду бабушку Маргарет? – уточнила я.

Обе долго молчали. Наконец Битти утвердительно кивнула.

– Думаю, да.

Я встала и в упор посмотрела на пожилых дам. Я знала и любила их всю жизнь, но сейчас они показались мне чужими.

– Что про Маргарет? Что она знает про Маргарет?

Сисси обменялась взглядом с подругой.

– Точно не знаю. Маргарет была как луна, сияющая в небе. Все ее любили.

– Но почему мама написала это на ленте и отвезла в Карроумор?

– Спросим, когда она очнется, ладно? – Сисси слабо улыбнулась и с трудом поднялась, ухватившись за ручки кресла. – Пойду попудрю носик. Извините меня.

Я смотрела ей вслед. Ее волосы в искусственном свете казались не серебряными, а просто седыми, движения замедлились, плечи согнулись, будто она давно уже несет непосильную ношу, но только сейчас почувствовала ее тяжесть.

Битти тоже встала.

– Такое ощущение, что мочевого пузыря с годами становится все меньше и меньше. Зайду-ка я в дамскую комнату. Если мне удастся уговорить Сисси поехать домой, мы попросим Мейбри подвезти нас. Позвоню попозже, расскажешь, как мама.

Она чмокнула меня в щеку и вышла, оставив после себя аромат «Росы юности»⁸ и стойкое ощущение дежавю.

⁸ «Роса юности» (Youth Dew) – аромат, выпущенный компанией Estée Lauder в 1953 году.

Шесть

Сисси

Май 1951

Мама поцеловала Сисси в щеку. Вокруг глаз миссис Пернелл залегли тревожные морщинки. Будучи супругой пастора-методиста, она разрывалась между необходимостью воспитывать детей в духе церкви и горячей материнской любовью и в результате проявляла удушающую строгость вперемежку с не менее удушающими объятиями.

– Позвони мне, как только приедешь к миссис Хардинг, слышишь, Сессали? Междугородние звонки стоят дорого, поэтому оставь рядом с телефоном четвертак. Если предложишь деньги, она, разумеется, не возьмет, а так у нее не будет выбора. Ты же знаешь, мы не хотим чувствовать себя обязанными.

Миссис Пернелл, поджав губы, поправила пикейный воротник на простом коричневом платье дочери. Туго затянутый пояс врезался Сисси в ребра, не давая вздохнуть, иначе она бы набрала воздуха в грудь и постаралась успокоить маму – после разговора с миссис Дарлингтон та вся на нервах. Мама Маргарет ничего не объясняла и не просила; она просто изложила свои планы для дочери и ее лучших подруг, подразумевая, что за разрешением от родителей девочек дело не станет. Дарлингтонам не принято отказывать, и мамы Сисси и Битти не решились ломать устои.

– Да, мама, – выдавила Сисси.

Услышав звук мотора, она едва не упала в обморок от нетерпения. *Неужели родители действительно меня отпустили? Пока не сяду в машину и та не поедет в сторону Миртл-Бич, не поверю.*

Младший брат Ллойд нес чемодан с инициалами Сисси – подарок Маргарет. Битти получила точно такой же. Это самая прекрасная вещь, которой Сисси доводилось владеть. Она до сих пор не верила своему счастью. Мама и бабушка подарили ей на выпуск стеганое одеяло, но этот подарок безнадежно мерк по сравнению с изящным чемоданом из темно-коричневой кожи.

Миссис Пернелл спустилась с крыльца, крепко держа дочь под руку. Сисси боялась, что мама так и не найдет в себе сил разжать пальцы. Увидев Маргарет за рулем кабриолета «Линкольн Космополитен», она еле сдержалась, чтобы не вырваться и не побежать навстречу. Маргарет, как всегда, неотразима – вылитая Лорен Бэколл⁹. Модные солнечные очки вполлица лишь подчеркивали ее красоту, бирюзовый шелковый платок под цвет глаз не мог скрыть золотое сияние волос.

Маргарет ослепительно улыбнулась и помахала рукой. Миссис Пернелл крепче стиснула запястье дочери.

– Привет, Сисси! – крикнула Битти с заднего сиденья.

Мама терпеть не может это прозвище. Сисси прошиб холодный пот.

⁹ Лорен Бэколл (1924–2014) – американская актриса, признанная Американским институтом кино одной из величайших звезд в истории Голливуда.

– Здравствуйте, миссис Пернелл. Рада вас видеть. – Маргарет взглянула на них поверх очков. – Ллойд, будь добр, поставь чемодан на заднее сиденье рядом с Битти. – И она вновь обезоруживающе улыбнулась, заставив мальчика покраснеть.

– Тебе не обязательно ехать, Сессали, – тихо произнесла мама, положив руки Сисси на плечи. – Если тебя пригласила Маргарет Дарлингтон, это не означает, что ты не можешь отказаться.

– Но я действительно хочу поехать, – возразила Сисси. – Пожалуйста, не волнуйся, мама. Ты хорошо меня воспитала. Мне уже восемнадцать, и я умею себя вести. – Она ободряюще улыбнулась. – Помнишь, прошлым летом миссис Дарлингтон отправила нас в лагерь юных домохозяек в Оушен Драйв-Бич? Мы вели себя как благовоспитанные леди, директриса даже прислала тебе письмо. Так что вам с папой не о чем беспокоиться. Кроме того, тетя и дядя Маргарет за нами присмотрят.

Сисси чувствовала, как мамино недовольство растет с каждой минутой – вероятно, из-за Маргарет в шикарном платке и солнечных очках за рулем роскошного кабриолета. Должно быть, маме кажется, будто сам дьявол явился к ним на порог, чтобы утащить ее дочь в ад.

Миссис Пернелл нахмурилась, и Сисси пожалела, что заикнулась про родственников Маргарет. Дядя Милтон был другом Хантингтонов из Коннектикута, купивших девять тысяч акров земли неподалеку от Паули-Айленда, чтобы миссис Хантингтон могла зимой поправлять там здоровье и выставять свои скульптуры. На тех землях когда-то располагались четыре рисовые плантации, и это уже само по себе плохо, к тому же Хантингтоны – янки. Говорят, во время войны они сочувствовали нацистам и даже помогали доставлять подводные лодки к побережью Южной Каролины; такое вполне возможно, ведь их земли находятся прямо на берегу Атлантического океана. Конечно, тому нет никаких доказательств, однако люди вроде Пернеллов, считающие, что выезжать куда-то на сезон – пустая блажь, охотно верили самым диким слухам.

– Они вполне достойные люди. Миссис Хардинг – сестра миссис Дарлингтон. Господь не благословил их детьми, поэтому они будут рады племяннице и ее подругам. Можно сказать, мы делаем доброе дело.

Сисси не стала упоминать, что бездетность тети Дот, скорее всего, не случайна. Маргарет видела на тетином туалетном столике книгу активистки Маргарет Сэнгер¹⁰. Якобы наткнулась на нее ненароком, пока искала карандаш, но Сисси подозревала, что это не совсем так.

Тем не менее они поступили сознательно и рассказали о книге маме Битти. Та разъяснила им, что к чему, и прибавила: девушки ни при каких обстоятельствах не должны упоминать имя Маргарет Сэнгер перед родителями, иначе их больше никогда никуда непустят.

– Я взяла Библию, миссис Пернелл, – подала голос Битти с заднего сиденья, – так что по вечерам мы будем молиться вместе.

Мама Сисси немного расслабилась, а потом поправила дочери шляпку – уродливое сооружение из соломы и сухих цветов, призванное предохранить кожу от солнца. Сисси считала, что эта шляпа годится разве что для огородного пугала, но все равно надела ее, лишь бы мама была довольна.

– Как мило с твоей стороны, Марта. – Мама единственная называла Битти ее настоящим именем. – Уверена, Сессали тоже тебе очень благодарна.

Она взглянула на Маргарет, ожидая подобающего ответа, но та была занята – красила губы помадой.

Воспользовавшись секундной заминкой, Сисси открыла пассажирскую дверь и поспешно уселась в машину. Ллойд рассеянно махнул рукой сестре, не сводя глаз с Маргарет. Сисси

¹⁰ Маргарет Хиггинс Сэнгер (1879–1966) – американская активистка, основательница «Американской лиги контроля над рождаемостью», активная сторонница и пропагандистка контрацепции.

помахала ему, но тут же отвернулась, заметив, что мама поднесла руку к губам, будто вот-вот заплачет.

– И не забудь сделать много фотографий! – крикнула миссис Пернелл ей вслед, вымученно улыбаясь.

– Ты правда взяла Библию? – спросила Сисси у Битти, когда машина тронулась.

– Да, на случай, если твоей маме понадобится убедительный аргумент. Я же не собиралась ей лгать.

Сисси запрокинула голову и рассмеялась. Маргарет нажала на газ, и машина помчалась на север по Семнадцатому шоссе.

Когда Джорджтаун скрылся из виду, Маргарет притормозила у обочины.

– Сессали Пернелл, где ты взяла эту шляпу? – осведомилась она, глянув на Сисси поверх очков.

– Мама дала. Ты же знаешь, я мгновенно покрываюсь веснушками. Еще не хватало вернуться домой черной, как негритянка.

– А так ты похожа на монашку. Я не могу позволить, чтобы ты явилась в Миртл-Бич в этом убожестве.

Маргарет протянула руку к шляпке, но Сисси отстранилась.

– Что? Ты же не всерьез...

– И правда, Маргарет, – вмешалась рассудительная Битти, – пусть Сисси остается в шляпе, пока мы не доберемся до дома твоей тети. А когда пойдем на пляж, купим ей новую.

Маргарет повернулась к подругам с ослепительной улыбкой, вызвавшей у Сисси недоброе предчувствие.

– Ну что, вы готовы к самому главному и потрясающему сюрпризу?

Девушки переглянулись. Битти спокойно воспринимала сюрпризы от Маргарет – по мнению миссис Пернелл, исключительно благодаря «несознательной жизненной позиции» ее родителей. Сисси же не сомневалась – выходки Маргарет приведут ее прямиком в геенну огненную (еще одно мамино выражение).

– Всегда готовы, – бодро ответила Битти и крепко сжала плечо Сисси, давая ей понять – они заодно. Правда, даже вдвоем им не выстоять против Маргарет Дарлингтон.

– Тетя Дот думает, что мы приедем в Миртл-Бич на *следующей* неделе! Они с дядей Милтоном до середины мая в своем доме в Коннектикуте. Разумеется, мама не в курсе. Я предупрежу тетю Дороти перед отъездом – она обожает секреты! Так что дом в нашем полном распоряжении, и никто не будет стоять у нас над душой! Разве не великолепно?!

Будь на месте Маргарет кто-то другой, Сисси тут же указала бы на недостатки этого плана. Но Маргарет принадлежит к семье Дарлингтонов, чем очень гордится, а значит, удача на ее стороне.

Сисси и Битти снова переглянулись. Сисси хотела было заявить, что так нельзя: мама ей поверила, а это – самое худшее предательство, какое только можно придумать, однако гневная отповедь так и осталась произнесенной. Ей вспомнилась лента, которую она положила в Древо Желаний, написав на ней самое что ни на есть тривиальное желание восемнадцатилетней девушки: «Я хочу выйти замуж за идеального мужчину – красивого, доброго, с хорошими перспективами, и моя любовь к нему будет бесконечна».

Сисси написала это в пику Маргарет. Желания наследницы семейства Дарлингтонов всегда исполнялись, поэтому ей хотелось, чтобы ее подруги мыслили шире, мечтали о большем. Сама Сисси не видела смысла предаваться пустым мечтам: ее мир слишком мал, ограничен и практичен. Скорее всего, в богатом словарном запасе Маргарет (и в английском, и во французском; она прекрасно владела обоими языками) последние два слова отсутствуют вовсе.

Поэтому, вместо того чтобы заставить Маргарет развернуть машину, Сисси принялась снимать свою чудовищную шляпу.

– Может, мне никогда больше не представится возможность пожить в свое удовольствие. Нужно ей воспользоваться.

Не думая о последствиях, она швырнула шляпу на обочину. Маргарет восторженно взвизгнула и захлопала в ладоши.

– Давай-ка накрасим тебя немного. Не понимаю, почему твоя мама возражает против помады.

Прежде чем Сисси успела отказаться, Маргарет приподняла ее лицо за подбородок и достала позолоченный тюбик. Закончив, она протянула Сисси льняной носовой платок и показала, как промокнуть губы.

– Это «Несомненно красный» от «Ревлон». Я увидела рекламу в журнале «Вог» и уговорила маму купить. Смотрится просто божественно. – Маргарет забрала у Сисси платок и протянула зеркальце. – Видишь?

Сисси взглянула в зеркало и с удивлением обнаружила незнакомку с всклокоченными волосами и алыми губами. *Вроде бы я и в то же время не я.*

– По-моему, этот оттенок Сисси идет больше, чем тебе, Маргарет, – заметила Битти.

– Ты права. – Маргарет закрыла тюбик и положила его Сисси в сумочку. – Вот, дарю.

– Я не могу...

– Еще как можешь. У меня остался «Неистовый розовый», так что с ненакрашенными губами ходить не буду.

– Возьмешь мой платок? – предложила Битти, развязывая узел под подбородком.

– Нет, спасибо. Мне нравится, как ветер раздувает волосы.

– Вот и прекрасно, – удовлетворенно объявила Маргарет. – Я рада, что теперь все довольны. – Не дожидаясь ответа подруг, она взялась за руль и развернула машину.

В эту минуту Сисси возненавидела Маргарет за то, что та заставляет ее притворяться кем-то другим, и одновременно полюбила еще сильнее – по той же причине.

Лишь много позже, когда нельзя уже было ничего исправить, Сисси вспомнила: Маргарет написала на ленте то же самое, что и она.

Маргарет что есть сил давила на газ, и в результате они приехали в Миртл-Бич гораздо раньше, чем планировали. Несмотря на то что Сисси всю дорогу крепко держалась за дверь, Маргарет не сбавляла скорость – ни ради спокойствия пассажиров, ни ради собственной безопасности. Ее ни разу не оштрафовали: каждый встреченный ими полицейский либо знал Дарлингтонов, либо тут же сдавался под влиянием обаяния Маргарет.

Битти сидела сзади, положив подбородок на спинку переднего сиденья, слушая шум ветра и песни Тони Беннетта¹¹ и Нэта Кинга Коула¹² по радио. Сисси пыталась расслабиться: ей хотелось нежиться под теплым солнцем, не думая о веснушках, и наслаждаться неизведанным чувством свободы (раньше она никуда не выезжала без взрослых). Все равно что купаться в океане в феврале – вода еще недостаточно прогрелась, но воздух слишком теплый, чтобы просто сидеть на пляже. Ощущения были настолько приятными, что даже тревожно, однако в Сисси проснулся задор.

– Кто-нибудь хочет «Тутси-ролл»? – Битти протянула коричневый бумажный пакет. – Я захватила с собой на всякий случай.

– Вот спасибо. – Маргарет взяла батончик и положила к себе на колени. – Мама запрещает мне есть сладкое. Говорит, вредно для зубов и фигуры. Надо будет предъявить ей тебя, Битти. Ты каждый день жуешь эти батончики, и ничего. Если бы я столько ела, то была бы размером с дом.

¹¹ Тони Беннетт – американский эстрадный певец, особенно популярный в 1950-х гг.

¹² Нэт Кинг Коул – американский джазовый пианист и певец.

– Между прочим, съедая «Тутси-ролл», ты совершаешь акт патриотизма, ведь эти батончики спасли наших моряков в битве при Чосинском водохранилище. – Битти с удовольствием откусила кусочек.

– Как это? – спросила Маргарет, и между изящными бровями пролегла недоуменная морщинка.

– Разве не знаешь? Наши моряки попали в окружение в районе горного водохранилища между Китаем и Северной Кореей. У них не осталось ни еды, ни боеприпасов, а когда им наконец сбросили с самолета посылку, там оказались только «Тутси-роллы»! Было так холодно, что они смерзлись, но наши ребята все равно их съели и благодаря этому не умерли от голода. Более того, хорошенько разжевав их, они заделали дыры в бортах и в остальном вооружении, выбрались на побережье и дождались эвакуации.

– Не хочу показаться непатриотичной, но нет, спасибо, – подала голос Сисси, беспокоясь за помаду.

Догадавшись, о чем она думает, Битти пренебрежительно закатила глаза.

По дороге Сисси вполуха слушала разговоры Битти и Маргарет и даже иногда рассеянно кивала, но мысли ее были далеко. «Кто же эта незнакомка, едущая с распущенными волосами в кабриолете и красящая губы ярко-красной помадой?» – удивленно спрашивала она себя и не находила ответа.

Мимо проплывали поля, ветхие лачуги и амбары. Изредка мелькали сельские коттеджи с недавно побеленными оградами. Ветер нес с собой ароматы лета, свежескошенной травы и сушеного сена, но сильнее всего чувствовался запах реки и болот, витающий над Джорджтауном и округом Хорри.

Ллойд как-то пошутил, что вены на маминых ногах напоминают карту равнинных земель со всеми реками и ручьями. Сисси рассмеялась, и за это ее отправили спать без ужина, но даже теперь, взглянув на карту, она не могла сдержать улыбку.

Доехав до Мэйн-стрит в Миртл-Бич, Маргарет сбавила скорость и, вовремя включив поворотник, свернула на бензоколонку «Эссо».

– Последние несколько миль мы ехали практически с пустым баком, но я была уверена, что мы продержимся до заправки.

Подруги переглянулись, и Битти язвительно прошептала: «Ну еще бы».

К ним подошел заправщик. Краснея от ощущения помады на губах, Сисси вышла из машины.

– Возьму нам кока-колу. Сейчас вернусь.

Рядом с бензоколонкой в тени широкого навеса стояли лоток с мороженым и ярко-красный автомат с кока-колой. Сисси принялась рыться в сумочке в поисках четвертаков и едва не наткнулась на молодого человека в мятых брюках цвета хаки. Тот колотил ладонью по автомату, словно это корова, которую нужно отогнать.

Помада придала Сисси храбрости.

– Прошу прощения. – Она обошла незнакомца и повернула серебристый рычажок. Через мгновение автомат задребезжал, раздался щелчок, и дверца открылась.

– Ну ничего себе, – восхищенно произнес молодой человек, забирая свой напиток, и взглянул на Сисси сине-зелеными глазами, в которых впору утонуть.

Сисси решила, что просто улыбнется и уйдет, оставив его недоумевать, кто эта загадочная незнакомка, однако еще не приноровилась к своему новому «я».

– Меня младший брат научил. Он у нас сообразительный, – поделилась она.

Юноша улыбнулся. Его улыбка оказалась столь же притягательной, как и глаза, а ровные зубы и ямочка на подбородке лишь добавили ему привлекательности.

– Должно быть, острый ум – ваша семейная черта.

Сисси не могла оторвать от него взгляда, лихорадочно соображая, что ответить. Щеки пылали от смущения. Жаль, Маргарет осталась в машине: она способна поддержать разговор с кем угодно. «Впрочем, хорошо, что ее здесь нет, – подумала Сисси, – иначе этот красивый молодой человек просто не обратил бы на меня внимания».

– Меня зовут Бойд, – произнес он, протягивая руку. – Я из Чарльстона, возвращаюсь домой из Виргинского университета. Только что закончил годичную стажировку по семейной медицине. Остановлюсь на несколько дней в Миртл-Бич у младшего брата. Он получил диплом юриста. Думаю, нам обоим не мешает отдохнуть. Кажется, я не отдыхал с тех самых пор, как вернулся из армии в сорок пятом. – Его улыбка слегка потускнела. – Простите, я совсем вас заболтал. Если рядом хорошенькая девушка, мне не остановиться.

Сисси покраснела.

– Рада познакомиться, Бойд. – Их пальцы соприкоснулись.

У нее перехватило дыхание, и она поспешно отдернула руку.

Бойд внимательно смотрел на Сисси, словно видел, какая она на самом деле, если не брать в расчет яркую губную помаду и растрепанные волосы.

– Мы остановились на пару недель в пансионе на Североокеанском бульваре. Может, захватите с собой подругу и сходим потанцуем?

Сисси почувствовала себя не в своей тарелке. Папа с мамой никогда не отпустили бы ее на танцы с молодым человеком, с которым она познакомилась на бензоколонке, тем более если им ничего не известно о его родителях.

– Я не...

– Простите, я смутил вас, – спокойно сказал Бойд. – Вы хорошо воспитаны, к тому же совсем меня не знаете. Просто я воевал на Тихом океане, а на войне люди забывают о манерах. Я никого не знаю в Миртл-Бич, кроме своего брата, и вообще с трудом понимаю, как меня сюда занесло, а теперь увидел красивую девушку и тут же потерял голову. Можно я загляну к вам в гости и познакомлюсь с вашими родителями?

Сисси представила, как он придет к ним домой и увидит Маргарет. Или узнает, что они живут одни, без взрослых. В любом случае это будет катастрофа.

– Извините, но нет. Всего хорошего. – И она поспешно направилась к машине.

Отойдя несколько шагов, Сисси украдкой оглянулась, ожидая, что Бойд уже отвернулся и открывает кока-колу, однако он с улыбкой смотрел ей вслед, прищурив сине-зеленые глаза.

– Ну и где наша кока-кола? – поинтересовалась Битти.

– Автомат сломан. – Сисси уселась на сиденье и принялась расправлять складки платья, лишь бы не смотреть на подругу: Битти всегда безошибочно чувала ложь. – Давайте доберемся до дома тети Дот и решим, чем будем ужинать. Наверное, она отпустила прислугу на время своего отсутствия, поэтому придется справляться самостоятельно.

– Отличный план, – заявила Маргарет, заводя мотор. – Мама ни за что бы не позволила мне готовить самой, но вместе мы что-нибудь придумаем.

Битти рассмеялась. Сисси оглянулась на бензоколонку, надеясь еще раз увидеть Бойда, однако тот уже ушел.

Семь

Ларкин

2010

До отъезда в Нью-Йорк я жила в историческом районе Джорджтауна, то у родителей на Дюк-стрит, то у Сисси на Ривер-стрит. Оба здания старой постройки; дом Сисси – времен Гражданской войны, а родительский – начала двадцатого века, со скрипучими полами и множеством укромных уголков, идеальных для игры в прятки. И там и там у меня была своя комната с бледно-желтыми стенами (мой любимый цвет) и высокой кроватью под балдахином.

Правда, у Сисси мне нравилось больше, чем у мамы с папой. Именно туда я заходила после школы, чтобы перекусить и сделать уроки. Именно туда я приводила друзей, в основном Мейбри и Беннетта, хотя они жили на Принс-стрит, рядом с моими родителями. Именно туда я приходила, когда мама увлекалась очередным хобби и решала открыть сердце чему-то новому. Иногда она настолько погружалась в себя, что забывала приготовить ужин или прийти на школьный концерт. Сисси сердилась на нее, но я понимала – мама просто охотится за мечтами, и не обижалась, потому что знала – когда-нибудь она научит меня, как поймать мою собственную мечту.

Мамины увлечения иногда бывали безобидны и даже полезны – например, однажды она превратила библиотеку в художественную мастерскую и писала пейзажи, и еще как-то раз сшила новые занавески для гостиной. А вот увлечение скрипкой оказалось недолговечным, потому что из-за маминых занятий у папы болела голова. Он не мог расслышать чудесную мелодию, ускользающую от неопытных пальцев. Поэтому мама перестала играть на скрипке, но нам с ней было довольно и того, что мы слышали музыку, невзирая на ошибки.

Мамино состояние оставалось без изменений. Доктор уверил нас, что до завтра новостей ждать не стоит, поэтому я отправилась к Сисси, несмотря на папин взгляд, преисполненный надежды, и настойчивые уговоры Битти.

В качестве утешения Сисси пригласила папу на ужин. Она приготовила жареного цыпленка, масляные бобы и кекс, на которые ни у кого не было аппетита, и поставила на стол свой лучший фарфоровый сервиз и фамильное серебро. Они с Битти завели разговор о моей жизни в Нью-Йорке, но я отвечала в основном односложно, так что вскоре мы молча сидели над нетронутыми блюдами, лишь изредка раздавался скрип вилки по фарфору.

Наконец я отставила тарелку, проглотив всего несколько кусочков. Есть совсем не хотелось; желудок сжимался от тревоги за маму.

– Кто такой Эллис? – по привычке обратилась я к Битти – из всех троих она первой отвечала на мои вопросы.

Папа уставился в тарелку. Битти многозначительно переглянулась с Сисси. Стало ясно – я взламываю хрупкий тайник мамино прошлого, о котором не знала и не хотела знать, пока не увидела маму лежащей под прогнившим полом Карроумора.

– Поешь еще немного. – Сисси зачерпнула из миски большую ложку салата и положила мне на тарелку. – Ты же любишь мой картофельный салат. А вот шоколадные брауни – когда-то ты могла съесть целое блюдо, помнишь? Я всегда держу тесто в морозилке, на случай если ты вдруг нагрнешь.

Сисси в своем репертуаре: пытается отвлечь меня лакомствами, как будто едой, словно штукатуркой, можно заделать трещины в моей жизни. Только вот штукатурка со временем осыпается, а трещины никуда не исчезают, показываясь на глаза, когда этого совсем не ожидаешь. Прямо как сейчас.

– Слишком волнуюсь за маму, чтобы есть. Может, попозже. Так кто такой Эллис?

И снова никто мне не ответил.

– Где ты услышала это имя? – наконец спросила Битти.

– Не услышала, а увидела. На ленте, которую мама положила в Древо Желаний, когда я была маленькой. Я вытащила ее, чтобы узнать, что там написано, и не вспоминала об этом до вчерашнего дня. – Я не стала говорить, что именно мама написала на ленте. Пусть тайна остается тайной.

– Эллис Элтон был первым мужем твоей мамы, – еле слышно произнесла Битти.

Папа по-прежнему смотрел в тарелку. В тишине раздавалось лишь тиканье часов в прихожей и стук моего сердца. Я попыталась составить осмысленное предложение из переполняющих меня слов, но не смогла вымолвить ни звука.

– Ей было всего семнадцать, – продолжила Битти. – А Эллису девятнадцать. Любовь всей ее жизни.

Папа судорожно вздохнул, однако Битти сделала вид, будто ничего не заметила. Я испытала мстительное удовлетворение от того, что ему так же тяжело это слышать, как и мне.

– Что с ним случилось?

– Его призвали в армию. – Сисси стояла к нам спиной, выкладывая брауни на тарелку. – Был шестьдесят девятый год. Шла война во Вьетнаме... Эллис без колебаний отправился выполнять свой долг. Он хотел служить отечеству, и это разбило Айви сердце.

– Сколько они были женаты? – тонким голосом спросила я, не в силах ни вдохнуть ни выдохнуть.

– Недолго. – Сисси поставила тарелку в центр стола.

Пахнуло шоколадом. Ее брауни всегда удавались на славу. Раньше я могла съесть не меньше десяти за раз, но стоило проглотить последний кусочек, как меня вновь заполняла гнетущая пустота.

– Через четыре месяца после отправки во Вьетнам Эллис пропал без вести. – Сисси села за стол и взяла брауни. – Это сломило Айви. Иногда мне кажется, ей было бы легче, если бы его убили. Наверное, бедняжку подкосила неизвестность. Сейчас я бы отвела ее к психологу, но тогда никто так не делал. В те времена полагалось держать чувства в узде и молча переживать свое горе. Когда разбитое сердце истекает кровью, ничто не поможет.

– Ларкин... – Папа протянул мне руку, но я не приняла ее.

– Почему я об этом не знала? – спросила я, заставив себя посмотреть ему в глаза.

Сисси задумчиво раскрошила брауни на кусочки.

– Мы с твоим дедушкой надеялись, что молчание поможет Айви забыть об Эллисе, а время вылечит душевные раны. Ей и так довелось пережить немало горя.

– Потому что бабушка погибла, когда мама была маленькой?

Битти и Сисси, не сговариваясь, поднялись и принялись убирать со стола.

– Да. – Битти встала в дверях, разглядывая миску с картофельным салатом, словно увидела ее впервые. – Наверное, это был худший из возможных вариантов, но Сисси правильно сказала, в те времена никто не думал о душевном здоровье. Поэтому мы засунули эти события под ковер и сделали вид, что ничего не было.

– Пока кто-то не вытащил их наружу. – Папа поднялся из-за стола и взял свою тарелку.

Что-то в его голосе заставило меня внимательно взглянуть на него, впервые за много лет. Может, из-за освещения, а может, из-за недостатка сна он выглядел совсем изможденным.

Я вышла за ним в кухню.

– Ты знал, когда женился на ней?

– Сисси мне рассказала, – кивнул он. – Мы с твоей мамой не говорили об этом, пока в восемьдесят втором не открылся Мемориал ветеранов войны во Вьетнаме. Я хорошо помню, потому что Айви была беременна тобой. В новостях показывали имена, написанные на стене, и она... – Папа замолчал.

– Что?

– Она сказала, что никогда никого не любила так, как Эллиса Элтона.

Его взгляд потух. Я затаила дыхание, ожидая, что он расскажет еще что-нибудь.

– Твоему поступку все равно нет оправдания, Мэк. – Сисси забрала у него тарелку и вышла из кухни.

Мы с папой остались одни.

– Не думал, что из-за меня ты уедешь. Прости.

Я устало прикрыла глаза.

– Я уехала не из-за тебя, папа. Но это одна из причин, по которой мне не хочется возвращаться. – Я встала. – Пойду во двор, подышу. Чувствую себя выжатой, как лимон. Семьи не должны хранить такие вещи в тайне. Кто бы что ни говорил, проблемы от этого никуда не исчезают.

Я едва ли не бегом вышла на крыльцо, глубоко набрала в легкие воздуха, напоенного речными запахами.

Кто-то дотронулся до моей руки. Конечно, Битти. Она всегда старалась примирить нас и совместить черно-белый мир Сисси с моим, запутанным и беспорядочным.

– Составить тебе компанию?

– Нет. Мне нужно побыть одной.

– Ясно. – Она протянула сигарету и зажигалку.

– Сисси знает, что ты все еще куришь?

Битти хмыкнула.

– От этой женщины ничего не скроешь. Просто она предпочитает замалчивать то, о чем не желает знать.

Я кивнула в темноту. Меня укусил комар – впервые со дня моего приезда. Я хлопнула себя по руке. Надеюсь, нагледу крепко досталось.

– Вроде «Я знаю про Маргарет»? Мне придется ждать, когда мама очнется, чтобы спросить ее об этом?

Битти выдохнула. Меня обдало едким запахом табака.

– Может, так будет лучше всего. Сисси никогда не говорит о Маргарет. Никогда.

Раздался клекот. Над водой низко пролетела ночная цапля и уселась на сваю.

– Мама тоже о ней не говорит. Ей было всего два года, когда бабушка погибла. Возможно, она вообще ее не помнит.

До меня внезапно дошло, что мне почти ничего не известно об этой истории. Я никогда не выясняла. Мне и в голову не приходило задавать вопросы.

– Как она погибла?

Битти откашлялась и глубоко затаилась. В ее зрачках отразился алый огонек сигареты.

– Во время пожара. – Она отвернулась и выдохнула дым. – Карроумор загорелся на следующее утро после урагана «Хейзел». Из-за бури электричество отключилось. Наверное, Маргарет уронила свечу. Такое горе для всех нас, особенно для малышки Айви.

Я попыталась представить маму в детстве. Каково это – расти без матери?

– А где она была во время пожара?

Цапля взлетела со сваи, описала круг над водой и бесшумно взмыла в небо. Битти еще раз затаилась и снова закашлялась.

– Лучше спроси ее сама, когда она придет в себя. Не мое дело тебе рассказывать. Конечно, можешь поговорить с Сисси, но полагаю, она ответит то же самое.

– И никто даже не подумал сообщить мне об этом? – Я заморгала, то ли из-за сигаретной вони, то ли из-за почудившегося запаха гари от объятых пламенем дома, в котором заперта молодая женщина, моя бабушка.

– Ты не спрашивала. – Битти с тихим фырканием выпустила струйку дыма из ноздрей. – Сисси всегда старалась защитить вас с Айви. Ей хотелось, чтобы вы никогда не испытывали боли. Неизвестно, хорошо это или нет. – Она затаилась и хрипло добавила: – Я бы предложила тебе сигаретку, но не буду, потому что вредно. Иногда при виде Сисси меня так и тянет закурить.

С таким кашлем ей бы не мешало бросить. Я с самого детства это говорила, и все без толку. Битти – одна из самых независимых женщин, кого я знаю. Всегда делает только то, что хочет.

Я окинула взглядом реку, прислушалась к тихому лязгу тросов о мачты, доносящемуся из марины. Этот звук беспокоил меня, словно неоконченная фраза, напоминая о том, где моя родина. В Нью-Йорке я жила между двух рек, но все равно не чувствовала себя дома. Должно быть, соленая вода, текущая в моих венах, воспринимала Ист-ривер и Гудзон как чужеродные элементы, несовместимые с моей группой крови.

– Мне... мне нужно побыть одной и все обдумать.

– Ясно. Но прежде чем ты начнешь выносить суждения, я хочу, чтобы ты запомнила одну важную вещь. Возможно, Сисси кажется тебе назойливой и черствой, но все, что она делает – исключительно от чистого сердца. А сердце у нее такое большое, что можно пришвартовать рыболовецкий траулер и еще хватит места для пары байдарок. Она посвятила жизнь тебе и маме. Нельзя упрекать человека за то, что он слишком сильно любит.

Битти пыталась предупредить, чтобы я не осуждала Сисси, но вот за что – этого я пока не выяснила. На сегодня с меня довольно сюрпризов и разочарований. Хватит.

– Скажи Сисси, я скоро приду. – И я принялась спускаться по ступеням.

– Ларкин?

Я остановилась:

– Да?

– Хорошо, что ты вернулась. Мы ужасно по тебе скучали, а твоя мама – больше всех.

– Я не хотела возвращаться во многом из-за нее.

Безмолвный вопрос Битти повис в воздухе. У меня не было желания на него отвечать.

– Спокойной ночи. – Я вышла на лужайку, обошла дом и направилась по Фронт-стрит в сторону Принс-стрит. Мейбри упомянула, что живет неподалеку от своих родителей. Она не оставила точного адреса, однако я не сомневалась, что сразу узнаю ее дом по безупречному двору с пестрыми цветочными клумбами; даже если цветы, по всем канонам, не должны сочетаться друг с другом, клумбы все равно будут выглядеть идеально, потому что Мейбри так решила.

Мне не хотелось общаться ни с Мейбри, ни с Беннеттом. Я уже убедила себя в том, что в течение нескольких дней мама пойдет на поправку. Лучше спрошу папу, почему они с Беннеттом приехали в Карроумор вместе; не стоит из-за этого мучиться чувством неловкости, стучась в дверь к Мейбри.

Стемнело. Уличные фонари излучали теплый свет. Я шла мимо старых дубов, таких же больших и величественных, как в детстве, и до боли знакомых, как брауни Сисси. Проехала машина; из открытых окон лилась музыка. «Это моя жизнь», Джон Бон Джови. Альбом «Краш» двухтысячного года. Я усмехнулась сама себе. Некоторые вещи не меняются.

Я дошла до Орандж-стрит и остановилась. Вместо того чтобы повернуть направо, к дому Мейбри, я свернула налево, в сторону деревянной набережной, тянущейся вдоль берега реки

Сампит почти через всю историческую часть Джорджтауна. Прогулочная зона на набережной была центром притяжения для туристов и местных жителей. С тех пор как нас стали отпускать без взрослых, мы с Мейбри и Беннеттом часто сидели здесь на скамейке, ели мороженое и сочиняли захватывающие истории о прохожих и их мрачных тайнах.

Мейбри жаловалась, что из-за моих рассказов ей снятся кошмары. По ее мнению, это свидетельствовало о таланте: только хороший писатель способен заставить людей поверить, что выдуманные им истории – правда. Беннетт первым объявил – мне нужно писать романы. Мейбри не сомневалась – по моим книгам станут снимать фильмы, и я должна сама подбирать к ним музыку, ведь мне известны все песни на свете. Я искренне верила, что так и будет. В детстве мне казалось, что все возможно.

На набережной былолюдно. В основном здесь гуляли туристы, хотя сезон еще не начался. Многие жители северных штатов проводят зиму в равнинных землях и возвращаются домой, когда солнце Южной Каролины становится чересчур жарким.

Ноги сами несли меня вперед, и вскоре я оказалась у кафе «Райское мороженое и газировка у Гэбриела» – одной из многочисленных закусочных, теснящихся между набережной и Фронт-стрит. В теплые дни их цветные тенты колыхались на ветру, радуя глаз и душу.

Я остановилась у большой витрины, вдохнула знакомый карамельный запах. Как и прежде, у стены – три столика. Две парочки смаковали мороженое, когда-то казавшееся мне лучшим в мире, – правда, меня едва ли можно назвать экспертом, ведь я почти не выезжала за пределы округа Джорджтаун. На задней стене – фреска с местным пейзажем, а на боковых приколоты кнопками фотографии дельфинов.

За изогнутой стеклянной стойкой стоял Гэбриел Джонс. Его волосы совсем поседел, но кожа осталась такой же темной, а улыбка – широкой и доброй, как много лет назад, когда я впервые его увидела.

Дверь была открыта, чтобы внутрь проникал прохладный ветерок с реки, и я вошла, ожидая, пока Гэбриел рассчитается с посетителями. Высокий мужчина перед стойкой обнимал за талию миниатюрную брюнетку. Оба сосредоточенно выбирали мороженое.

Женщину я не знала, а вот мужчина показался мне знакомым. Было что-то такое в широких плечах, туго обтянутых рубашкой, и в пряди русых волос, упавшей ему на лоб, когда он наклонился вперед, почти касаясь щекой щеки женщины.

Словно почувствовав мой взгляд, он обернулся. Да, верно, я его знаю, и очень давно, почти столько же, как Мейбри и Беннетта. Однако мы с Джексоном Портером никогда не были друзьями. Никогда.

Джексон на мгновение задержал на мне взгляд, и я разглядела его получше: симпатичный юноша превратился в сильного, красивого мужчину, похожего на Кристофера Рива из старых фильмов про Супермена. Ну еще бы, парни вроде Джексона с возрастом не становятся мягче.

Он слегка нахмурился, словно недоумевая, где мог меня видеть, и повернулся к женщине. Может, это и глупо, но от смущения, граничащего с унижением, я залилась краской. Трудно поверить, что человек, сыгравший ключевую роль во время худшего события в моей жизни, меня не узнал.

Я ждала. В горле пересохло. Нужно выпить лимонада с мороженым, чтобы затушить огонь стыда и замешательства. Гэбриел отдал заказ, и Джексон Портер вышел, придерживая дверь для своей спутницы.

– Мисс Ларкин, – приветствовал меня хозяин заведения, расплывшись в улыбке. – Такая же красотка, как прежде. – Он поднял глаза на колонку под потолком.

Играла плавная, медленная музыка. Гэбриел всегда ставил только послевоенные песни. По его мнению, современные хиты засоряют мозг и оскорбляют слух.

– «Не перестану любить тебя», Дорис Дэй.

Должно быть, он услышал дрожь в моем голосе, потому что подошел ко мне и заключил в объятия.

– Не обращай на него внимания, – кивнул он на дверь. – Некоторым просто ума не хватает вести себя прилично.

Я расплакалась – из-за мамы, из-за всего хорошего, что было во мне и от чего я избавилась вместе с плохим, и из-за моего глупого слабого сердца, которое до сих пор страдает по Джексону Портеру.

Восемь

Сисси

2010

Сисси остановилась перед большим зеркалом в холле и открыла верхний ящик комода. Навстречу выкатились несколько тюбиков губной помады. Она выбрала свою любимую – «Вишню на снегу», классический оттенок «Ревлон» пятьдесят третьего года. Сисси даже дала наказ Битти: когда настанет время встретиться с Иисусом, на ее губах должна быть именно эта помада.

Она принялась аккуратно красить губы, слушая, как Битти и Ларкин за завтраком разговаривают о погоде и приливах – о чем угодно, только не об Айви.

Я знаю про Маргарет. Рука Сисси дрогнула. Помада залезла за край верхней губы. Что Айви имела в виду?

Она взглянула в окно, на старый гараж, где Айви устроила магазинчик по продаже восстановленной мебели. Сисси с радостью разрешила ей пользоваться гаражом и пожертвовала старинную двуколку, некогда принадлежавшую местному коллекционеру. Она думала, Айви быстро охладет, однако увлечение продержалось дольше, чем другие, и даже приносило доход: за помещение не нужно было платить, а благодаря сарафанному радио новости о маленьком бизнесе Айви разошлись из уст в уста.

Сисси осторожно подтерла размазанную помаду и напомнила себе заглянуть в гараж после возвращения из больницы. Айви наверняка оставила там открытые банки с лаком, растворителем и бог знает чем еще. Как всегда, Сисси убирала за ней, закрывала банки и выносила мусорное ведро, наполненное жестянками от диетического «Доктора Пеппера» и пластиковыми упаковками от сыра. Во время порывов творчества Айви не ела ничего другого, считая рутинное приготовление пищи препятствием для вдохновения.

– Вы готовы? – нетерпеливо позвала Сисси, укладывая в сумочку блокнот и ручку.

Нужно подробно расспросить врачей, какой уход понадобится Айви, когда та вернется домой. «Когда», а не «если». Сисси уже решила, что превратит библиотеку на первом этаже в комфортную палату, чтобы Айви не приходилось подниматься по лестнице, пока она полностью не поправится.

Сисси не стала советоваться с Мэком. Она – мама Айви, и ничьи советы ей не нужны. Учитывая, во что превратился брак Айви за последние десять лет, мнение Мэка вообще не имеет значения.

– А это зачем? – спросила Битти, указывая на букет чайных роз, стоящий в вазе.

– Отнесу Айви. Надеюсь, аромат поможет ей очнуться. Она всегда любила мои розы. В этом году они расцвели раньше, чем обычно, – словно почувствовали, что нужны Айви.

– Я готова, – сообщила Ларкин, выходя вслед за Битти из кухни.

На ее лице нет ни следа косметики. У девочки хорошая кожа, в основном благодаря тому, что Сисси не позволяла ей подолгу гулять на солнце и внушала важность правильного ухода. Ларкин унаследовала ярко-голубые глаза Дарлингтонов, только ресницы у нее бледно-золотистые, даже светлее, чем волосы.

– Ты не хочешь слегка оживить лицо? Немного туши или помады не помешает.

– Думаю, мама и так меня узнает.

– Как скажешь, золотце, – натянуто улыбнулась Сисси. – Но если передумаешь, я взяла с собой помаду.

Сисси чувствовала, как Битти и Ларкин перемигиваются у нее за спиной, но ей было все равно. Она слишком долго удерживает эту семью воедино, чтобы обращать внимание на пересуды.

– Я поведу, – сказала Ларкин, выходя на крыльцо.

– Только если пообещаешь ехать на безопасной скорости. Я еще от вчерашней гонки не оправилась. За папой заезжать не нужно. Он позвонил и сказал, что уже в больнице. Никаких новостей, – добавила Сисси, предвосхищая вопросы.

Ехали в молчании. Ларкин вовсе не лихачила, но Сисси все равно крепко сжимала ручку двери. Ей вспомнилась лента, найденная в руке у Айви. Ларкин заинтересовалась, что означает надпись «Я знаю про Маргарет». Сисси закрыла глаза. *Господи, пусть она забудет об этой ленте. Пусть Айви поскорее очнется и выслушает меня.* Остается надеяться, что она поймет и простит.

Впервые в жизни Сисси ощутила свой возраст, почувствовала ломоту в суставах и скованность движений. Каждый раз, замечая седой волос или очередную морщинку, она малодушно думала, что Маргарет повезло – та не успела состариться.

Конечно, Маргарет нашла бы способ и в старости оставаться прекрасной и жизнерадостной. Если бы все пошло иначе, она бы еще сплясала на могилах подруг. Всю неделю Сисси, Битти, Ларкин и Мэк по очереди сидели с Айви, разговаривали с ней, читали статьи из журналов, наблюдали, как медсестры и доктора проверяют ее состояние и меняют положение в постели. Сисси утешало одно – пусть Айви не приходит в себя, персонал больницы делает все, чтобы ей помочь.

Она вновь закрыла глаза, заключая очередную сделку с Господом. *Если Айви очнется, я все ей расскажу.* Правда, поскольку она оказалась в Карроуморе с этой лентой, значит, и так все знает. *Откуда она узнала? И что именно?*

Должно быть, Айви уехала в Карроумор, возненавидев приемную мать из-за того, что ей стало известно про Маргарет. От этой мысли у Сисси разрывалось сердце.

В больнице, когда пришла ее очередь сидеть с Айви, она поставила вазу с цветами на тумбочку у кровати и достала вязание. Сисси научилась вязать заодно с Айви – та решила связать свитер для Ларкин, живущей в Нью-Йорке, однако не продвинулась дальше рукава. Сисси тоже думала отложить спицы в сторону, но в конце концов продолжила довязывать тот свитер.

Дождавшись, когда медсестры уйдут, она поставила стул ближе к кровати.

– Мама с тобой, моя девочка. Все будет хорошо, обещаю. Я принесла тебе чайные розы. – Сисси придвинула букет ближе, чтобы Айви могла ощутить их аромат. – Распустились пару дней назад. Открой глаза, посмотри на них. Пожалуйста, открой глаза. Прошу тебя.

Сисси ждала ответа, но Айви молчала. Восковая кожа туго натянулась, обрисовав кости черепа, со всех сторон свисали трубки, помогающие ей есть и дышать. Сейчас Айви была до боли похожа на маленькую девочку, и Сисси едва не разрыдалась, вспомнив малышку, которую всегда любила как родную.

– Наверное, ты хочешь расспросить меня о своей маме. – Она коснулась прохладной руки Айви и, наклонившись ближе, прошептала: – Пожалуйста, просыпайся. Посмотри на меня и скажи, что прощаешь.

Сисси положила на колени клубок желтой пряжи, взяла спицы и прикинула, с какого места лучше начать.

Сисси

Май 1951

Сисси склонилась к зеркалу и аккуратно накрасила губы красной помадой, точно так, как показывала Маргарет. Она тщательно закрыла тюбик, положила в маленькую сумочку, которую ей дала Маргарет, и улыбнулась отражению в зеркале. На нее смотрела не Сисси Пернелл, а молодая своевольная женщина, первой заговорившая с незнакомым мужчиной на бензоколонке и фривольно покачивавшая бедрами, идя к машине.

– Выглядишь просто божественно, – констатировала Маргарет, удовлетворенно осматривая дело рук своих.

Она уложила волосы Сисси густыми блестящими волнами и нарядила ее в бледно-голубое батистовое платье со складчатым лифом и подходящие по цвету туфельки. Самый прекрасный наряд, какой Сисси доводилось носить. Даже с коротким болеро, прикрывающим обнаженные плечи, она все равно чувствовала себя немного неловко.

– Тетя Дотти говорит, что в отеле «Оушен Форест» теперь не такие строгие порядки, как до войны, так что нам не обязательно надевать длинные платья. Я считаю, мы роскошно выглядим, – сказала Маргарет. – А ты просто красотка, Сисси. Теперь, когда привлекательные джентльмены будут меня спрашивать, что за богиня рядом со мной, я скажу, что тебя зовут Сессали. Ты выглядишь слишком величественно для Сисси.

– Согласна, – кивнула Битти. – И вот еще тоже возьми. – Она вытащила из сумочки пачку «Лаки Страйк». – Когда к тебе подойдет какой-нибудь красавец, сделай вид, что хочешь закурить, пусть поднесет зажигалку. Девушка с сигаретой выглядит более загадочно.

Сисси с сомнением посмотрела на пачку, однако взяла, стараясь не думать о том, что сказала бы мама.

– Спасибо, Битти, попробую запомнить. Маргарет мне столько всего наговорила, как правильно сидеть, улыбаться и флиртовать, что у меня голова кругом идет.

Она хихикнула, отчасти под воздействием шампанского – Маргарет нашла бутылку в подполе, который ее дядя величал винным погребом. Она заверила подруг, что он не заметит пропажу, а если и заметит, то заговорщически подмигнет и ничего не скажет маме.

– А там будут «грязные танцы»? – поинтересовалась Сисси, в глубине души надеясь услышать «да».

Однажды вечером она подслушала разговор родителей о музыке, под которую танцуют современные молодые люди. Говорят, в некоторых штатах за такие танцы сажают в тюрьму. Битти научила их с Маргарет танцевать джиттербаг¹³, но это еще цветочки: по слухам, движения нового танца имитируют «акт совокупления». Отец Сисси использовал выражение «сладострастный» – обычно он употреблял его во время проповедей, шельмующих блуд и прелюбодеяние. Сисси тут же обратилась к Битти, ведь ее отец был директором школы. В обширной домашней библиотеке мистера Уильямса имелся словарь; там-то они и узнали значение слова «сладострастный».

– Очень на это надеюсь, – заявила Битти, выпустив кольцо дыма (она потратила уйму времени, чтобы научиться этому трюку).

¹³ Джиттербаг – быстрый танец с резкими движениями, популярный в 1930–1950-е гг. По одной из версий, название танца происходит от жаргонного выражения “jitter bug”, означающее «белая горячка».

Родители разрешали ей курить дома; они считали ее достаточно взрослой для самостоятельных решений. Сисси боялась, как бы об этом не узнали ее мама и папа, иначе ей ни за что не позволят дружить с Битти.

– В отеле «Оушен Форест»? – спросила Маргарет, приподняв бровь, как Скарлетт О'Хара. – Вот уж сомневаюсь. – Она помазала за ушами духами тети Дот и передала флакончик Сисси. – Там все слишком старомодно. В цветной части города было местечко под названием «У Чарли», где играли современную музыку, но в прошлом году их накрыл ку-клукс-клан. Наверняка есть и другие места, где можно послушать новинки, но уж точно не в «Оушен Форест».

– Ты бывала там раньше? – поинтересовалась Сисси, стараясь подавить угрызения совести по поводу духов.

Она нанесла крошечную капельку за мочками и вернула флакончик.

– Когда мы приезжаем к тете и дяде, то все время туда ходим. Это очень фешенебельное заведение – в тридцатых годах его называли «отель на миллион долларов». – Маргарет снова приподняла бровь. – Может, увидим пару-тройку кинозвезд. В прошлом году тетя Дороти видела там Джона Уэйна, но он вошел в лифт, и двери закрылись, прежде чем она успела туда зайти. А моя тетя не станет бегать даже за кинозвездой.

Битти затушила сигарету в хрустальную пепельницу.

– Думаю, нам пора. Я умираю от голода и хочу спокойно поесть, прежде чем начнутся танцы. Говорят, в этом отеле танцплощадка находится в патио, и пары танцуют под светом луны. Если меня никто не пригласит, сама пойду и приглашу кого-нибудь.

Сисси изумленно взглянула на подругу; шампанское несколько смягчило шок от столь смелого заявления.

– Не вздумай, Битти! Так делают только доступные девушки. Твое поведение может отразиться на нашей репутации.

– Сисси права. – Маргарет положила руку на плечо подруги. – Если захочешь пригласить молодого человека на танец, шепни об этом ему на ухо, а не кричи через весь зал.

Битти и Маргарет расхохотались. Сисси, не зная, как реагировать, взяла бокал с шампанским и сделала большой глоток, потом достала фотоаппарат «Кэнон», подарок от родителей в честь окончания школы, и сфотографировала подруг. Это была первая фотография в их поездке. Сисси надеялась, что у нее хватит пленки на целый альбом.

Отель «Оушен Форест» оказался именно таким, как Сисси и представляла: величественный белоснежный фасад, красная крыша, высокая башня, по обеим сторонам которой располагались флигели с арочными окнами, и изящный портик в центре здания.

Они подъехали ко входу в отель. Сисси залюбовалась фонтаном, вокруг которого были припаркованы дорогие автомобили, и порадовалась, что не одна. Ей бы не хватило духу войти в такой роскошный отель в одиночку, царственное спокойствие Маргарет и беззаботность Битти придали ей уверенности, и она улыбнулась облаченному в серо-бордовую униформу швейцару, открывшему дверь их машины.

При виде роскошных интерьеров, позолоты, красного дерева и персидских ковров Сисси едва не лишилась дара речи. Ей тут же вспомнились слова родителей о том, что люди во всем мире голодают, а богачу легче пройти сквозь игольное ушко, чем попасть в рай. Она решила хотя бы на один вечер заглушить в себе их голоса и наслаждаться жизнью. Вряд ли представится другой шанс, ведь Маргарет и Битти уедут в колледж, а ей останется лишь отбиваться от назойливых ухаживаний Уилла Харриса. В конце концов она сдастся от скуки и отсутствия выбора и превратится в покорную и безответную жену, чего от нее и хотят.

Однако этот вечер, эти две недели – ее подарок самой себе в честь окончания школы. Не такой практичный, как стеганое одеяло, зато запоминающийся. Впервые за восемнадцать лет Сисси было все равно, что подумают другие. Нет, она не мечтала о жизни в окружении

роскошной мебели и позолоты, где все вокруг носят шелка и меха – ее воспитали чересчур здравомыслящей для столь наивных желаний. Но ей захотелось хотя бы ненадолго стать такой, как Маргарет: излучать уверенность, наслаждаться дорогими вещами, не испытывая при этом угрызений совести, почувствовать себя красивой, продефилировать через зал, представляя, что все мужчины смотрят ей вслед.

Маргарет шла впереди, словно королева, а Битти и Сисси – ее фрейлины. Ее волосы отливали золотом в свете огромных хрустальных люстр. Мраморные полы и колонны, казалось, потускнели на фоне ее ослепительной красоты. Желтое муаровое платье придавало ей сходство с луной, и все вокруг меркло в ее сиянии. Когда Маргарет назвала свое имя, метрдотель почтительно поклонился и подвел девушек к столу у большого окна с видом на океан. Было уже почти восемь вечера, но солнце еще не скрылось за горизонтом, освещая зал.

Не успела Сисси насладиться чудесным видом, как вновь появился метрдотель с тремя бокалами и бутылкой шампанского – подарком от ресторана. Маргарет с достоинством поблагодарила его.

– Говорят, на верхних этажах играют в азартные игры и мой дядя – местный завсегдайт. Правда это или нет, но при упоминании его имени нам выделили лучший стол. Вот что значат связи, Сисси. Запомни это.

Она подмигнула подруге и сделала глоток шампанского. Сисси бросило в жар от гнева. Легко Маргарет говорить о связях. У нее и без того есть все, чего душе угодно, а связи – так, вишенка на торте.

«Маргарет считает, будто мы ей ровня и мне нужно просто взглянуть на вещи под другим углом, – подумала Сисси. – Ей не понять: у меня нет фундамента, чтобы поддерживать такие взгляды». Это все равно что надеть роскошное выпускное платье, только безжизненные тусклые волосы и дрянные туфли никуда не спрячешь. *Кого я пытаюсь одурачить?*

За бутылкой шампанского последовала бутылка вина (комплимент от метрдотеля), а потом и другая. После десерта и коктейлей девушки переместились в патио, где уже играл оркестр.

Обстановка оказалась неприлично роскошной; Сисси никогда бы не решилась поведать об этом вечере родителям. Но ее злость на Маргарет превратилась в легкое раздражение, когда та принялась рассказывать истории. Маргарет была хорошей рассказчицей и всегда держала слушателей в напряжении до самой развязки. Сисси просто не могла на нее сердиться. В конце концов, именно благодаря подруге она ужинает в отеле «Оушен Форест», на ней ее платье, туфли и сумочка.

В результате Сисси мило улыбалась, затуманенным взглядом взирая на Маргарет, пока та рассказывала о призрак Феодезии Берр Алстон¹⁴, который иногда появляется в Брукгрин-гарденс. Сисси хотела попросить ее замолчать, иначе ей будут сниться кошмары, но испугалась, что Битти станет дразнить ее трусихой. Вот так всегда – Маргарет придумывает какое-нибудь сумасбродство, Сисси благоразумно предлагает этого не делать, но Битти встает на сторону Маргарет, и они все вместе участвуют в ее затее.

– Прошу меня извинить.

Перед ними, церемонно заложив руки за спину, стоял молодой человек в смокинге. Высокий, с золотисто-каштановыми волосами, он отличался той мужской красотой, что притягивала взгляд. На левый висок спускалась непокорная прядь, придававшая ему мальчишеский и дружелюбный вид. Он сразу понравился Сисси именно из-за этой пряди, чуть-чуть портившей его безупречную красоту.

¹⁴ Феодезия Берр Алстон (1783–1813) – дочь сенатора Аарона Берра и Феодезии Бартоу Превост Берр, погибшая в море в возрасте 29 лет при невыясненных обстоятельствах. История ее гибели обросла слухами и легендами.

– Надеюсь, вы простите мое вторжение. – Молодой человек улыбнулся, и глаза его заискрились. – Меня зовут Реджинальд Мэдсен, я собираюсь стать президентом Соединенных Штатов.

Он сказал это так просто и искренне, что невозможно было усомниться в его словах. Реджинальд Мэдсен действительно выглядел как будущий президент. Почувствовав родственную душу, Маргарет выпрямилась на стуле и обратила внимание на юношу.

– Я в Миртл-Бич всего на несколько дней, с братом. До нас дошел слух, будто здесь собираются самые красивые девушки на свете, и я хотел убедиться, что это правда.

Битти нахмурилась, точно предвидела его слова. Да, пожалуй, молодой человек выбрал весьма банальный способ познакомиться, но Сисси уже составила о нем мнение. Ей понравился этот Реджинальд Мэдсен за откровенность и неидеальную прическу. Она приготовилась принять приглашение на танец, выраженное столь изящным способом, однако он повернулся к Маргарет.

– Желтый – мой любимый цвет. Как удачно, что вы надели сегодня именно это платье. – Он протянул руку. – Не окажете ли честь потанцевать со мной?

– С удовольствием, благодарю вас. – Маргарет одарила его лучезарной улыбкой и, бросив торжествующий взгляд на Сисси и Битти, последовала за своим кавалером.

Битти оперлась локтями на стол и наклонилась к Сисси:

– Ну слава богу. Теперь есть надежда, что нас кто-нибудь заметит.

Сисси хотела сказать «вряд ли», но Битти тут же уличила бы ее в притворстве. Нет, они вовсе не были дурнушками, просто на фоне Маргарет выглядели как маргаритки рядом с розой. В маргаритках нет ничего плохого, неустанно напоминала Битти, только вот люди обычно предпочитают розы.

Сисси уже решила предложить подруге прогуляться по пляжу, как рядом раздался голос:

– Я надеялся, что это вы.

Подняв глаза, она увидела знакомое лицо – молодого человека с заправки «Эссо». На нем был смокинг и галстук, темные волосы зачесаны назад, но Сисси узнала сине-зеленые глаза, чуть прищуренные, будто он вот-вот улыбнется.

– Когда мой младший брат Реджи подошел к вашему столику, я испугался, что он пригласит вас танцевать, прежде чем я успею набраться храбрости. – Юноша нерешительно улыбнулся. – Я Бойд, помните? Бойд Мэдсен. Мы с вами виделись на бензоколонке, только вы не назвали свое имя.

– Ее зовут Сессали Пернелл. – Битти протянула ему руку, как учили родители, несмотря на то, что она девушка. – Я Битти Уильямс, и если вы хотите потанцевать, Сессали с удовольствием составит вам компанию.

Бойд запрокинул голову и от души рассмеялся. У него оказался такой приятный смех, что Сисси забыла о смущении и улыбнулась. Он протянул ей руку, и она приняла ее. Когда Бойд закружил ее в вальсе, Сисси вспомнила ленту, которую положила в дупло старого дерева, и впервые в жизни поверила, что мечты сбываются.

Девять

Ларкин

2010

Благополучно избежав разговора с папой и подбросив Битти и Сисси до дома, я направилась на юг по Семнадцатому шоссе. Я сказала Сисси, что мне нужно сделать кое-какие дела и позвонить на работу, чтобы продлить отпуск, но не упомянула, что одним из этих дел будет приезд в Карроумор.

Несмотря на настойчивые расспросы Сисси, ни мамины врачи, ни специалист по повреждениям мозга не гарантируют полное восстановление и даже не могут предположить, как скоро мама придет в себя. Единственное, что они сообщили, – отек мозга начал спадать, и это хорошо. Однако Сисси не удовлетворилась таким ответом – она полночи просидела в интернете, читая про аналогичные случаи, и прекратила расспрашивать докторов, лишь когда я расплакалась – до меня наконец дошло, насколько все серьезно.

Я много лет делала вид, будто полностью стерла из памяти свою прежнюю жизнь в Джорджтауне. Встреча с семьей и несчастье с мамой казались мне каким-то странным сном, но в конце концов меня настигла жестокая реальность, и я поняла – мама действительно в тяжелом состоянии.

Битти обняла меня за плечи и вывела в коридор, недовольно покосившись на Сисси.

– Не слушай ее. Сисси делает то, что у нее получается лучше всего – заботится о своей дочери. – Ее взгляд стал печальным. – Она просто не готова к тому, что иногда ее забота дает обратный эффект.

Я не поняла, что Битти имеет в виду. Мне отчаянно хотелось поскорее выйти из больницы и глотнуть свежего воздуха, не отравленного антисептиком и хлоркой, поэтому я не стала уточнять. К счастью, до дома Сисси недалеко, и у нас не было времени на долгие разговоры.

И как мне сразу не пришло в голову, что мама может умереть? Видимо, я так и не смогла вытравить из себя прежнее «я». Мои мысли были лишь о том, как этот несчастный случай повлияет на меня и мою жизнь. Я всегда думала только о себе и отчасти поэтому никогда не интересовалась, почему бабушка погибла молодой. Как ни унижительно признавать это, похоже, я несправима.

Мне просто необходимо было уединиться и подумать.

Мимо проплыл уродливый сталелитейный завод, закрытый в прошлом году, а за ним – бумажный комбинат. Я опустила стекла, соскучившись по знакомому с детства запаху тухлых яиц – в последние годы тот стал заметно слабее. Каждый раз, проезжая мимо комбината, мы с Мейбри и Беннеттом задерживали дыхание, соревнуясь, кто дольше продержится. Это был наш ритуал. От осознания того, что запаха больше нет, мне стало грустно.

Передо мной ехал выдавший виды голубой фургон. В глаза бросилась наклейка на бампере – самая яркая и новая часть этой колываги: «Наши люди импортных креветок не покупают». Во время одного из моих рождественских приездов Сисси сообщила, что бизнес по вылову креветок идет из рук вон плохо. Рыбаки просто бросают свои лодки в гавани – у них нет другого выхода. Эта новость повергла меня в уныние, так же как заброшенный сталелитейный завод и исчезнувший запах бумкомбината. Пока я жила в Нью-Йорке, притворяясь, что моего детства никогда не существовало, оно действительно начало понемногу исчезать. Наверное,

в этом и есть смысл выражения «нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Возвращаешься домой, а все вокруг изменилось до неузнаваемости.

Я почти не глядя нашла поворот на Карроумор, проехала по той же тряской дороге и свернула на развилке налево. Сквозь ветви деревьев проглядывало солнце; в воздухе разносилось монотонное жужжание невидимых насекомых, похожее на мерный шум океана.

Я остановилась на заднем дворе, неподалеку от запущенного сада. Жаль, мне не удалось увидеть бывшее великолепие поместья. Даже разрушенный и обгоревший, особняк выглядел элегантно и величественно, словно пожилая дама, чья красота еще заметна сквозь морщины и старческие пятна. К сожалению, Карроумору нанесен не просто поверхностный ущерб; с помощью крема или лосьона повреждения не скроешь.

Выйдя из машины, я тут же почувствовала запах реки и болотных трав, растущих на заливаемом лугу, – стойкий аромат равнинных земель и моего детства. Слава богу, он никуда не делся. Я глубоко вздохнула, вспоминая, как мы с Мейбри и Беннеттом плавали на каяке и прыгали в воду с пристани позади дома моих родителей.

На этом я прервала поток воспоминаний, прежде чем они приведут меня к событиям, о которых вспоминать не хочется.

Отмахиваясь от комаров, я осторожно приблизилась к дубу на берегу реки. То тут, то там висели полые тыквы, формируя узор, известный лишь тому, кто их развесил. Что-то в них показалось странным; прошлой ночью, перед сном, мне не давала покоя какая-то мелочь. Я долго смотрела на тыквы, пытаясь вспомнить, что меня смутило, но не смогла.

Среди осоки на одной ноге стояла белоснежная цапля, настороженно кося блестящим глазом. Опасаясь спугнуть ее, я медленно подошла к дереву и встала перед дуплом, похожим на открытый рот. Казалось, дуб хочет что-то удержать или, наоборот, выплюнуть.

Недолго думая, я засунула руку в дупло, стараясь найти внутри что-нибудь похожее на ленты. Я с детства ходила с папой и бабушкой на рыбалку и умела насаживать любую наживку, однако меня ни капли не вдохновляла идея сунуть руку в незнакомое место и почувствовать что-то кишащее и мягкое. Или оказаться укушенной.

Впрочем, я нащупала лишь кусок ткани, гладкий и ровный, с обработанными краями. Похоже, их там несколько. Ленты были хрустящими и свежими, как будто пролежали в дупле не очень долго. Я схватила их, и тут до меня донесся рокот мотора и тихая музыка. Я вздрогнула. То ли от моего движения, то ли от шума паркующегося фургона цапля расправила крылья и взмыла в воздух.

Сама не зная зачем, я засунула ленты в карман джинсов. Из фургона вышел Беннетт. Я застыла на месте, надеясь, что он меня не заметит. Довольно глупо, ведь он припарковался рядом с моей машиной. Я с детства привыкла верить, что все на свете должно подчиняться моим желаниям. К сожалению, эту дурацкую привычку не так-то просто искоренить.

Беннетт с невозмутимым видом остановился футах в пяти от меня:

– Привет.

– «Айрис», «Гу-Гу Доллс», – кивнула я в сторону замолкшего радио.

– Все та же Ларкин, – с улыбкой отозвался он.

– Нет, не та же. Просто от некоторых привычек трудно избавиться. – Я нахмурилась. – Ты что тут делаешь?

– Ну, я весь вечер просидел у Мейбри, ждал тебя в гости, а сегодня отправил несколько эсэмэсок, но ты не ответила. Заехал к Сисси, и она сказала, что ты куда-то умчалась, аж шины взвизгнули. В общем, я догадался, что ты здесь.

Вот в чем беда с людьми, которые всю жизнь тебя знают. Ничего от них не скроешь.

– Тебе не пришло в голову, что я хочу побыть одна? – вздохнула я.

– Ты же собираешься уехать, как только твоя мама придет в себя, так что я решил воспользоваться возможностью и поговорить.

Я направилась к машине, мечтая поскорее закончить разговор и посмотреть, что там у меня в кармане.

– Говори быстрее, Беннетт. Наверное, Сисси уже приготовила ужин.

Я взглянула ему в лицо. Не надо было этого делать. Я и раньше знала, что у него глаза цвета океана, мужественный подбородок и славная улыбка. Просто Беннетт и Мейбри были моими лучшими друзьями, а значит, физически не притягательными, как родственники. А потом мы вообще перестали дружить.

Посмотрев на Беннетта внимательно, я поняла, что он изменился, как и Джексон Портер. Мальчишеская мягкость исчезла, уступив место мужественной зрелости. Да, он выглядит весьма неплохо, но я ни за что на свете не скажу ему об этом, иначе он не оставит меня в покое.

Я всегда считал тебя красавицей. Кровь прилила к моим щекам.

– Давай не будем тратить время. Говори скорее.

Я открыла дверь автомобиля. Запищала сигнализация. Беннетт развел руками, словно извиняясь.

– Несколько месяцев назад вокруг Карроумора начали кругами ходить застройщики, пытаюсь выяснить, кому он принадлежит и можно ли его выкупить. Твой отец попросил меня высказать свое мнение. – Он окинул взглядом полуразрушенный особняк. – Я подумал, тебе следует об этом знать. – Беннетт развернулся и направился к своей машине.

Я захлопнула дверь:

– Подожди! Ты не можешь просто так уехать. Рассказывай дальше.

– Не хочу отрывать тебя от ужина.

Я вцепилась в его рукав, как ребенок:

– Почему папа решил поговорить об этом именно с тобой?

Беннетт нахмурил густые брови:

– Ты вообще в курсе, что здесь происходило в последние годы?

Впервые за девять лет мне стало стыдно за скоропалительный отъезд. Тому была веская причина, я до сих пор в этом убеждена. Пока я жила в Нью-Йорке, мне казалось, что здесь все остается по-прежнему, люди и их взгляды не изменились. Глупо, ведь я-то сама изменилась, и еще как. Моя решимость не думать о прошлом и полностью переродиться куда-то испарилась, но я никогда бы не призналась в этом Беннетту.

– Нет. – Я перевела взгляд на старый дуб, думая о лентах в кармане.

Беннетт помолчал, словно ожидая, будто я скажу, что пошутила.

– У меня в Колумбии¹⁵ небольшая фирма по переоборудованию старинных зданий для современного использования. Инженеры прокладывают коммуникации, не разрушающие внутреннее устройство дома, а архитекторы-реставраторы восстанавливают внешний вид и осуществляют надзор за проектом. Поэтому твой папа и обратился ко мне. Он сказал, Карроумором заинтересовалась одна строительная компания – та же, что построила элитный жилой комплекс и гольф-клуб на Паули-Айленде.

– Звучит привлекательно, – произнесла я, по-прежнему мечтая поскорее смыться. – С этим местом меня почти ничего не связывает, так что можешь дать им мой номер, я с ними поговорю. Возможно, мне удастся убедить маму продать дом.

– Ларкин, ты что, серьезно? Знаю, особняк выглядит ужасно, но не все потеряно. Карроумор принадлежал твоей семье аж с восемнадцатого века, а еще земля и река... Представляешь, они спилят все эти старые деревья и наклепят здесь кучу одинаковых коттеджей. Просто кошунство! Поэтому твой отец и решил поговорить со мной. Он хотел узнать, есть ли какие-то другие варианты. Например, попробовать восстановить дом.

¹⁵ Колумбия – столица штата Южная Каролина.

– Но зачем его восстанавливать? – раздраженно спросила я. – У мамы с папой вполне уютный дом, я там не живу. Да и денег на реставрацию такого большого особняка у нас нет.

Беннетт помолчал, разглядывая птички домики, свисающие с ветвей амбрового дерева.

– У Сисси есть деньги, ведь она контролирует трастовый фонд. По крайней мере, пока.

– Какой фонд? Ты о чем?

Он прищурился, будто не веря, что я ничего не знаю.

– Дом, земля и все имущество Карроумора вложено в трастовый фонд, а Сисси является доверительным управляющим. Незадолго до несчастного случая твоя мама советовалась с адвокатом, можно ли оспорить права Сисси по управлению фондом, хотя именно она учредила его сразу после твоего рождения и назначила Сисси управляющей. Видимо, Айви передумала, потому что просила адвоката передать управление тебе, не дожидаясь твоего тридцатилетия – таково условие фонда. Как сказал адвокат, твоя мама решила, что у тебя больше прав распоряжаться будущим Карроумора, поскольку ты наследница семьи Дарлингтонов.

Я много чего ожидала услышать от Беннетта, однако такого даже представить не могла.

– То есть через три года Карроумор достанется мне? Разве имущество фонда не должно перейти сначала к маме?

Беннетт пожал плечами:

– Да, похоже, дом будет принадлежать тебе. Но я знаю далеко не все, поэтому не хочу строить пустые догадки.

– Почему мама решила сменить управляющего? Сисси об этом знает?

– Твой папа не сказал. Он только упомянул, что Айви не хотела, чтобы Сисси принимала решения о судьбе Карроумора. По его мнению, Сисси следует знать об этом. А по-моему, Айви собиралась держать все в тайне. Мэк узнал о ее визите к адвокату случайно. В день несчастья твоя мама оставила мобильник дома, и он ответил на звонок. Адвокат хотел выяснить подробности про фонд. Твой папа сейчас и без того расстроен, поэтому я решил поговорить с тобой.

Я смотрела на Беннетта, мучаясь угрызениями совести из-за того, что не отвечала на его сообщения, и теряясь в догадках по поводу маминых поступков.

– Не знаю, что и думать. Это все... так неожиданно.

– Ну еще бы. Как я сказал, твой папа ничего не объяснил. Я догадываюсь – это всего лишь предположение – что Айви пыталась осложнить застройщикам их задачу. Ты ведь в Нью-Йорке и не отвечаешь на звонки. – Взгляд Беннетта оставался холодным и оценивающим, но в его голосе отчетливо слышалась нотка осуждения.

Я продолжала смотреть на него, словно ожидая ответов на все мои вопросы.

– Не знаю, что сказать, Беннетт. Я пока не разобралась в своем отношении к этому дому, но он мне не нужен. До вчерашнего дня я вообще не подозревала о его существовании, не говоря уже о фонде, который ждет моего тридцатилетия. Прямо сейчас судьба Карроумора в руках Сисси. Мама придет в себя, и тогда спросим ее, что с ним делать.

– А если нет?

Слова Беннетта обожгли меня, будто удар кнута.

– Она придет в себя, никаких сомнений.

Я не врач и понятия не имею, как в действительности обстоят дела у мамы. Я внушила себе, что она должна поправиться, и не рассматривала другие возможности. Точно так же я поступала и раньше, и, кроме одного показательного исключения, мой подход всегда срабатывал.

– Сисси... – начал Беннетт и осекся.

– Почему ты так волнуешься насчет Карроумора, Беннетт? Тебе-то от него какая выгода? Его лицо осталось невозмутимым, но в глазах мелькнула тень.

– Что ты знаешь о пожаре?

– Кроме того, что в нем погибла моя бабушка? Он случился на следующий день после урагана «Хейзел» в пятьдесят четвертом году. Об этом мне стало известно только вчера. Честное слово, не знаю, чему ужасаться больше – что бабушка погибла столь ужасной смертью или что никто не удосужился сообщить мне об этом.

По глазам Беннетта было видно – он хочет что-то сказать, но не может решить, стоит или нет. Я всегда читала его как открытую книгу – должно быть, оттого, что мы знали друг друга с раннего детства.

– Мой дедушка был начальником пожарной охраны в те годы, – наконец произнес он. – Помнишь его?

Я кивнула, смутно припоминая седоволосого джентльмена, похожего на Беннетта. Его жена умерла, и он жил один в маленьком деревянном домике на берегу реки Пи-Ди. У него в холодильнике всегда имелся запас шоколадок «Херши». Печально, но больше я ничего не смогла о нем вспомнить.

– В ту ночь он находился на дежурстве. Многие жители не стали эвакуироваться на время урагана, решив переждать его дома, поэтому все спасательные службы работали в режиме боевой готовности. Полицейский заметил пожар и сообщил по радио. К тому времени все телефонные провода были оборваны, электричество отключилось. Чудо, что патруль оказался в нужное время в нужном месте.

Беннетт замолчал и прищурился, судя по всему, намереваясь рассказать мне нечто неприятное.

– Ларкин, Сисси тоже была в Карроуморе. Она вытащила твою маму на улицу и спасла ее от пожара, но Маргарет спасти не смогла.

Я прислонилась к машине, чтобы не упасть:

– Сисси вытащила маму из огня?

Беннетт подошел ближе, и, не обращая внимания на мой протест, положил руки мне на плечи:

– Ты как?

– В порядке, – солгала я.

Мне понадобилась вся сила воли, чтобы не позвонить Сисси с требованием объяснений.

– Неужели тебе никто об этом не рассказывал? Если не твои родственники, то друзья или знакомые? Эта тема должна была хоть раз всплыть в разговорах.

Я едва не расхохоталась ему в лицо.

– Видимо, все считали, что я и так в курсе. У меня просто нет слов. А мама знала?

– Понятия не имею. Спросишь, когда очнется.

Я пристально взглянула на Беннетта, предположив, что он высмеивает мой оптимизм по поводу маминого выздоровления.

– Лучше поговорю с Сисси. Хотелось бы знать, почему она столько времени скрывала все это от меня. – Я указала на зловеющий остов старинного особняка.

– Поговори с Сисси, – мягко поддержал Беннетт. – Уверен, она все объяснит.

– Обязательно поговорю. – Я села на пассажирское сиденье и принялась искать в сумочке ключи от машины.

– Гэбриел сказал, ты вчера заходила к нему в кафе. И Джексон Портер тоже был там.

Я низко опустила голову и загородила весь свет, еще больше затруднив себе поиск ключей.

– Правда был?

Беннетт отстранился. Я боялась взглянуть ему в глаза, иначе он прочтет мои мысли. Слава богу, ключи наконец нашлись. Я сжала их так крепко, что ладони стало больно.

– Кстати, он не женат. Они с Мелиссой поженились, но очень быстро разбежались. Теперь Джексон меняет подружек как перчатки и продолжает отцовский бизнес. Мало ли, тебе интересно.

Я удивленно взглянула на него, совсем забыв, что не стоит этого делать.

– Зачем ты это говоришь?

Беннетт пристально смотрел мне в глаза, разоблачая все мои тайны.

– Просто держу тебя в курсе событий.

– Спасибо, но в этом нет необходимости. Когда мама придет в себя, я сообщу, как она собирается поступить с Карроумором. Дом простоял в таком виде почти шестьдесят лет, подождет еще немного.

– Точно, – согласился Беннетт. – Только помни: если исторические здания вроде этого разрушаются, их уже не вернуть.

– Обязательно тебе сообщу, – повторила я, пристегивая ремень безопасности.

– Поеду за тобой. – Беннетт указал на дорожку вокруг дома. – Не хочу, чтобы ты здесь застряла.

Я подавила разочарование. Скорей бы уже он уехал, тогда я смогу прочесть надписи на лентах. Однако Беннетт прав. Ленты подождут.

– Спасибо. – Я вставила ключ в замок зажигания, и Беннетт захлопнул мою дверь.

Солнце начало клониться к закату. Черная громада Карроумора превратилась в злоеущую тень. Я медленно двинулась вперед. Беннетт поехал за мной; в зеркале заднего вида отражался свет его фар. Удивительно, но от осознания того, что он рядом, мне стало спокойнее.

Как только мы выехали на Семнадцатое шоссе, я рванула вперед, оставив Беннетта позади. Он мог бы с легкостью догнать меня, если бы захотел, но я знала – он понимает, что мне нужно побыть одной и подумать.

Подъехав к дому Сисси, я включила свет в салоне, кое-как добралась до кармана (совершенно не жалея о пристрастии к обтягивающим джинсам) и вытащила оттуда две ленты, все еще белые и хрустящие.

Можно сосчитать по пальцам одной руки, сколько раз мама писала мне письма или записки, но я тут же узнала ее почерк. Я разложила первую ленту на коленях и прогладила рукой, чтобы лучше видеть. На ней черным маркером были выведены жирные буквы: *«Я скучаю по тебе. Жаль, что я так и не успела узнать тебя»*.

У меня екнуло сердце. Мне вспомнилось, как однажды мы с Мейбри и Беннеттом пошли в кино на фильм ужасов, наврав кассиру про возраст. Там была сцена, когда юная девушка собирается войти в темную комнату.

Словно повинуюсь указанию невидимого режиссера, я развернула вторую ленту и положила ее поверх первой. Почерк другой; впрочем, трудно сказать наверняка, потому что писали не маркером. Сумерки скрадывали цвета; похоже, буквы красные, даже алые.

Я несколько раз моргнула, чтобы удостовериться, что прочитала верно.

Прости меня.

Такое ощущение, будто читаю чужой дневник. Я осторожно поскребла ленту пальцем: посыпались мелкие хлопья. Определенно не фломастер. Возможно, гелевая ручка или маркер с блестками, от которых мы с Мейбри сходили с ума в средней школе.

На пороге зажегся свет. В дверях возникла Сисси. По ее встревоженному лицу было ясно – она знает, что я здесь. Сама не понимая зачем, я сунула ленты обратно в карман и вышла из машины, громко хлопнув дверью.

Десять

Айви

2010

Сисси сидит у моей кровати. Рядом со мной толстый моток желтой пряжи; спицы воткнуты в маленький недовязанный квадратик (уж не знаю, что это будет). Она говорит, и я все слышу, правда, не вижу, как двигаются ее губы.

Я парю под потолком, глядя на собственное тело. Неужели это я?

У Сисси на макушке небольшая проплешина. Она умрет от стыда, если узнает, что кто-то видел ее сверху.

Внезапно я вспоминаю, что именно произошло перед тем, как я упала, и почему я так разозлилась на Сисси. Это не обыденное раздражение из-за разногласий по поводу воспитания Ларкин или вечных нотаций, что мне следует повзрослеть и преодолеть скорбь по Эллису. Нет, дело в другом. К сожалению, воспоминания ускользают, точно юркие червячки. Похоже, чтобы освободиться, нужно назвать пароль, однако он мне неизвестен.

С каждым днем я поднимаюсь все выше, но так и не могу покинуть палату. Что-то не позволяет мне уйти из этого мира. Ко мне приходят люди, держат за руку, говорят, что молятся о моем выздоровлении. Скорее всего, я не могу сбежать отсюда из-за тайн: они опутывают меня, словно липкая паутина, из которой невозможно выбраться. Наверное, я в чистилище, мне рассказывали о нем подружки-католички: место между жизнью и смертью, где мы должны искупить грехи. Или мне предоставилась возможность обрести понимание и прощение.

Неподалеку тарахтит «Мустанг» Эллиса. Я оглядываюсь в надежде его увидеть, но они с мамой прячутся за углом, словно чего-то ожидая. Только неясно, чего именно.

Знать бы, как отсюда выбраться. Может, кто-нибудь покажет мне путь. Пока что никто из умерших не приходил к моей постели и не вел сквозь тоннель к свету, как показывают в фильмах и пишут в «Ридерз Дайджест». Очень жаль, потому что я надеялась увидеть маму. Я совсем ее не помню, но все говорили, она была красавицей. Сисси утверждает: Ларкин – точная ее копия. Мамины фотоальбомы сгорели в пожаре, поэтому я не могла взглянуть на дочь и сказать: «У нее мамин нос» или «У нее мамина улыбка». У Сисси есть фотографии, где они втроем – Маргарет, Сисси и Битти. Я много раз просила посмотреть, но она всегда отвечала: «О некоторых событиях слишком больно вспоминать». Сисси обещала, что однажды спустит фотоальбом с чердака, и мы посмотрим его вместе, но этого так и не случилось.

Мэк и Ларкин приходят ко мне каждый день. Мэк обычно не задерживается надолго; он нервно бродит по палате, просит прощения за боль, которую мне причинил, и обещает все загладить. Я его не виню: мне наконец стало ясно, что происходит, когда люди любят друг друга не одинаково. Справедливости ради, я предупреждала Мэка еще до свадьбы, но он ответил, что его любви хватит на двоих. Я виновата, что поверила ему, а он – что сам в это поверил.

Сколько бы ошибок мы ни совершили, рождение Ларкин – не одна из них. Когда она приходит, я парю под потолком и наслаждаюсь ее красотой. Ларкин у меня красавица. Я никогда в этом не сомневалась, даже во время переходного возраста: тогда никто не считал ее хорошенькой, кроме меня, Сисси и самой Ларкин. Теперь я понимаю – Ларкин верила в это исключительно благодаря внушению Сисси. Точно так же Сисси до трех лет не позволяла мне ходить самой, потому что не могла видеть, как я падаю. Только вот нельзя научиться пережи-

вать неудачи и боль, ни разу не испытал их. Тем не менее я рада, что Сисси сейчас с Ларкин. Да, ее методы воспитания безупречны, зато любовь безгранична.

Ларкин сильно изменилась. Я вижу ее раз в год, на Рождество, и мы обе делаем вид, что этого достаточно. Мы притворяемся, будто я не подозреваю, что разочаровала ее, и это разочарование укрепило ее решимость уехать и не возвращаться.

Больше всего на свете я сожалею, что никогда не говорила своей дочери, как горжусь ее храбростью. Ларкин многое в себе не нравилось, поэтому она взяла и все изменила. К счастью, ей не удалось воплотить детское желание быть похожей на меня. Я никогда не была столь отважной и так и не смогла стать хорошей матерью. Мы обе смотрели на Сисси, хотя на самом деле следовало смотреть друг на друга.

Однако, как выражается Сисси, сделанного не воротишь. Что, если бы я так никогда и не встретила Эллиса? Моя жизнь была бы гораздо проще, если бы я не увидела, как он едет по Фронт-стрит на своем «Мустанге». Наши взгляды пересеклись, и мне тут же стало ясно: мы созданы друг для друга. Сисси отговаривала меня от поспешного брака, чтобы я была уверена – не в том, люблю Эллиса или нет, а смогу ли пережить его потерю. «Горе либо ломает, либо укрепляет тебя», – говорила она. Я не слушала, а зря. До сих пор гадаю, откуда ей об этом известно.

Забавная штука сердце. Оно влюбляется, когда захочет, и только сильный человек может ему противостоять. Например, Ларкин. Она просто пока не знает о своей силе. Я получила жестокий урок: нельзя всю жизнь оглядываться назад. Если смотреть на призраков из прошлого, не увидишь того, что прямо перед тобой.

Нужно рассказать Ларкин, чтобы ей не пришлось страдать, постигая эту истину самостоятельно, но мое тело мне неподвластно.

Углы палаты тают, словно мой мир сжимается. На меня наваливается усталость. Странно, ведь я просто сплю и во сне парю под потолком. К сожалению, я не знаю, что со мной случилось и сколько мне еще здесь оставаться. Вероятно, нужно что-то сделать или узнать, чтобы двигаться дальше. Тайны пощипывают меня, словно рыбки. Я пытаюсь вспомнить, что обнаружила, прежде чем провалилась под пол Карроумора, и почему так рассердилась на Сисси, но воспоминания ускользают. Я спускаюсь ниже и слышу голос Сисси. Она рассказывает о себе, о маме, о Битти. Похоже, нечто очень важное. Поэтому я возвращаюсь в свое тело и принимаюсь слушать.

Сисси

1951

Туфли Маргарет оказались на полразмера меньше, поэтому после третьего танца с Бойдом ноги Сисси должны были гореть огнем, но она не чувствовала боли, словно парила в облаках. От тепла, исходящего от Бойда, и прикосновения его руки голова у нее шла кругом. К тому времени как он поинтересовался, не угодно ли ей подышать свежим воздухом, Сисси накрепко запомнила оттенок его глаз, форму ушей и ямочки, появляющиеся на щеках, когда он улыбался. Стараясь не думать о том, что сказала бы мама, она подала ему руку. Они покинули танцплощадку и вышли на пляж.

Бойд помог ей избавиться от туфель, и они побрели по песку, приятно охлаждающему ноги. С тех пор всякий раз, ступая босиком на песок, Сисси вспоминала тот вечер. В небе царила полная луна, источающая сияние. Она висела так низко, что, казалось, от нее можно было отщипнуть кусочек на память.

Бойд держал Сисси под руку; в другой она несла туфли Маргарет. Они гуляли по пляжу, залитому лунным светом, и ей хотелось бродить с ним вдвоем, чувствовать тепло его руки, слушать его голос до самого утра, а лучше – вечно. Бойд рассказывал о Чарльстоне, о своих родных и о том, как в детстве ездил к дяде и двоюродным братьям в Андерсон, на ферму, где научился принимать роды у коров и решил стать доктором. Его отец был юристом; к счастью, Реджи собрался продолжить семейное дело, так что Бойду представилась возможность воплотить свою мечту.

– Когда Реджи было десять лет, он прочитал, что многие президенты Соединенных Штатов, прежде чем уйти в политику, были юристами. Поэтому он тоже решил стать юристом. Началась война, и брат очень расстроился, потому что по возрасту не попадал под призыв. По его мнению, боевой опыт важен для будущего президента.

– Ну что ж, – отозвалась Сисси, – идет война в Корее. Еще не все потеряно.

Бойд промолчал. Шорох шагов смешивался с музыкой, доносящейся из отеля.

– Родители сделали все, чтобы отговорить его. Когда я ушел воевать, мама была сама не своя от горя, посидела за одну ночь. Я и представить не мог, что это так на ней скажется.

– Им удалось переубедить Реджи? – поинтересовалась Сисси.

– Не уверен. Желание служить стране у нас в крови. Все наши предки носили военную форму. Реджи будет первым, кто не был в армии. А вы? – Он наклонился к Сисси. – Вас кто-то ожидает в Джорджтауне, кроме родителей и братьев?

Сисси вспомнила Уилла Харриса, его напомаженные волосы и засаленные воротнички, и наставления матери, что ей следует быть с ним любезной.

– Нет, никто меня не ждет. Мои лучшие подруги, с которыми я здесь отдыхаю, осенью уедут в колледж. Придется целыми днями помогать маме по дому. А еще я пою в папином церковном хоре и иногда играю на органе.

– Звучит весьма привлекательно, – сказал Бойд без тени сарказма. Похоже, воспитан он безупречно. – Расскажите про Джорджтаун. Там хорошо?

– Да, наверное, – пожала плечами Сисси. – Мне не с чем сравнивать, ведь я почти нигде не бывала. Там красиво, особенно в исторической части города. Когда маркиз де Лафайет впервые приехал в Америку, он высадился именно в Джорджтауне.

Бойд улыбнулся, сверкнув белыми зубами:

– Надо же, а я и не знал.

– Правда-правда. А еще у нас повсюду вода – город окружен реками, ручьями и болотами, поэтому у каждого есть лодка, и мы все умеем плавать и удить рыбу. – Сисси томно взглянула на него сквозь ресницы, как учила Маргарет, надеясь, что он заметит. – Знаю, Чарльстон совсем не далеко от побережья, но даже если вы и не проводили много времени на воде, этими умениями легко овладеть. Люди у нас дружелюбные и с удовольствием вас научат. – Она хотела добавить, что сама бы с удовольствием его научила, но понимала, что и так зашла слишком далеко. – Гавань очень красивая, как на открытке, а еще у нас много старинных зданий. За городом находятся заброшенные рисовые плантации, поэтому по ним можно плавать на каяке и смотреть на старые дамбы. – Сисси нерешительно взглянула на Бойда. – К нам в Джорджтаун стоит съездить.

– Вы так его описали, что мне определенно следует приехать. В профессии доктора есть заметное преимущество – можно работать где угодно. Я мог бы присоединиться к существующей практике или открыть собственную. Мама, конечно, расстроится, если я не осяду в Чарльстоне, но меня привлекает новизна.

– Хорошо, – сказала Сисси, чувствуя, как щекочет в груди, будто там порхает стая бабочек.

Бойд искоса взглянул на нее, словно заподозрил, что она шутит.

– Судя по всему, единственное, чего не хватает Джорджтауну, – умных и перспективных молодых людей. В ваши двери должны ломиться толпы поклонников.

Сисси остановилась и взглянула на него:

– Не льстите мне, Бойд Мэдсен. Я и так позволила вам увести меня на пляж. Мы отошли достаточно далеко, и если вы захотите меня поцеловать, я, возможно, разрешу вам такую вольность.

Она сама от себя этого не ожидала. Наверное, насмотрелась фильмов и решила, что именно так следует разговаривать с мужчинами. А может, это из-за луны, шепота волн и отдаленной музыки, принесенной ветром. Или просто в присутствии Бойда Мэдсена ее благообразие и осторожность куда-то улетучились.

– Правда? – Бойд деликатно приподнял ее лицо за подбородок. – Я думал о том, чтобы поцеловать вас, с той самой минуты, как встретил на бензоколонке, но изо всех сил старался оставаться джентльменом хотя бы до завтра.

– Значит, вы рассчитывали увидеть меня завтра? – спросила Сисси, сияясь выглядеть дерзкой, как Дебора Керр в «Копях царя Соломона», но ее голос звучал слишком слабо.

Она надеялась, что Бойд захочет снова с ней встретиться – в глубине души, там, где эту надежду никто не заметит и не высмеет как чересчур самоуверенную и наивную. Мама всегда укоряла Сисси за чрезмерный оптимизм, и она научилась прятать мечты в самый дальний уголок сердца.

– Только если вы захотите, – ответил Бойд.

Опасаясь, что он передумает, Сисси поднялась на цыпочки и прижалась губами к его губам. Она до этого ни с кем не целовалась, но Маргарет велела им с Битти потренироваться на подушках, чтобы в нужный момент не растеряться.

Однако ничто не могло подготовить Сисси к поцелую Бойда, мягкости его горячих губ и прикосновению языка. У нее подогнулись колени. Большие ладони легли ей на талию, и только благодаря этому она устояла на ногах. Сисси обвила руки вокруг его шеи и тесно прильнула к нему; ей подумалось, что они – две половинки одной раковины, идеально подходящие друг к другу.

Внезапно Бойд отстранился, тяжело дыша:

– Ничего себе. Я такого не ожидал.

– Вам... тебе не понравилось?

– Еще как понравилось. – Он прижался лбом к ее лбу, восстанавливая дыхание. – Сессали Пернелл, ты – нечто особенное.

– Ты тоже, Бойд Мэдсен, – прошептала она.

– Нужно вернуться к твоим подругам, пока твоя репутация не погибла.

Сисси понимала, что он имеет в виду. Чтобы дочь не свернула с пути истинного, мама постоянно читала ей нравоучения о том, какие беды ожидают девушек, испортивших репутацию. Правда, миссис Пернелл не вдавалась в подробности, что именно должна совершить девушка, чтобы ее репутация оказалась испорченной. Сисси чувствовала, что уже очень близка к краю пропасти, но также понимала: чтобы заработать репутацию распутной женщины, нужно сделать гораздо больше.

Бойд взял ее под руку, и они пошли назад, к отелю. Луна светила им в спину, на песке колебались длинные тени. Темнота поглощала следы, словно их и не было. Сисси вздрогнула.

– Ты замерзла? – спросил Бойд и, сняв смокинг, набросил ей на плечи.

– Спасибо. – Сисси лихорадочно пыталась придумать, как бы продолжить вечер, но тут заметила Битти.

Та поспешно спустилась по лестнице и подбежала к ним.

– Слава богу, вот вы где, – воскликнула она. – Маргарет нехорошо. Нужно отвести ее домой.

Сисси выпустила руку Бойда и принялась подниматься по ступеням.

– Что случилось?

– Похоже, переборщила с вином и танцами, – прошептала Битти. – Реджи попросил оркестр сыграть джиттербаг, и, судя по всему, Маргарет слегка растрясло.

– Я могу помочь? – предложил Бойд. – Может, отнести ее в машину?

Битти уже открыла рот, чтобы сказать «да», однако Сисси не дала ей ответить.

– Нет, но спасибо за предложение. Мы сами справимся.

Она не готова делить Бойда с подругами. Нет, не так: она не готова к тому, чтобы Бойд встретился с Маргарет. Даже укол стыда не заставил ее передумать и попросить помощи.

– Благодарю за чудесный вечер, – сказала она Бойду, неохотно возвращая ему смокинг.

– Может быть, встретимся завтра?

Сисси сделала вид, что размышляет – мама была бы довольна.

– Хорошо. В парке «Павильон»¹⁶ в пять часов.

– Можно за тобой заехать?

Она покачала головой.

– Встретимся в «Павильоне». В пять. – Сисси последовала за Битти в дамскую комнату, где Маргарет приходила в себя. Оглянувшись, она заметила вопросительный взгляд Бойда, улыбнулась и пошла дальше. Сисси не призналась бы даже самой себе, что не готова выяснять, действительно ли Бойд Мэдсен предпочитает маргаритки розам.

¹⁶ «Павильон» – парк развлечений в Миртл-Бич. В «Павильоне» располагалось более сорока аттракционов для детей и взрослых. В 2007 г. парк был закрыт.

Одиннадцать

Ларкин

2010

Я взбежала по ступеням крыльца. Из дома доносился пряный аромат запеченной курицы. В кармане тугим комком перекатывались ленты из Древа Желаний. Войдя в дом, я вытащила рубашку из джинсов, чтобы никто не заметил оттопыренный карман. Меня переполняли вопросы, так что я решила подробно расспросить Сисси о пожаре. За двадцать семь лет моей жизни она не удосужилась даже мельком упомянуть о том, что была в Карроуморе в день, когда погибла бабушка.

Войдя в дом, я приготовилась произнести возмущенную отповедь, но встала с открытым ртом, заметив, что в столовой сидит гость.

– Ты помнишь Джексона Портера, Ларкин? – с улыбкой спросила Сисси. – Его папа был нашим страховым агентом, а теперь с нами работает Джексон. Он зашел оформить кое-какие бумаги, и я пригласила его поужинать. Я приготовила твоё любимое блюдо – жареного цыпленка.

Я подавила приступ нервного хохота. Просто сюр какой-то. Обновленная Ларкин, повзрослевшая и уверенная в себе, приложила массу усилий, чтобы избавиться от воспоминаний о том, как когда-то сидела на трибуне и болела за звезду школьной футбольной команды, а тот в окружении девочек-чирлидерш бежал по стадиону с флагом «Бульдогов из Джорджтауна».

Я начала что-то мямлить, однако все слова куда-то улетучились, потому что Джексон подошел ко мне, сердечно обнял и поцеловал в щеку. У него все тот же одеколон; где бы мне ни доводилось ощущать этот мягкий аромат с терпкими нотками, я всякий раз вспоминала о Джексоне. В шестнадцать лет я потратила деньги, подаренные на день рождения, на флакон этого одеколона, спрятала его в ящике комода и тайком нюхала, думая о Джексоне. Меня покорило; да, раньше я была полной идиоткой. Беда в том, что я ни капельки не изменилась. Следовало заявить ему в лицо: он не имеет права ко мне прикасаться и должен принести извинения за то, что разрушил мою жизнь, пусть даже и не подозревая об этом. «Нельзя оправдывать непорядочность неведением», – убеждала я себя, но теперь, глядя на Джексона Портера, забыла обо всем. Как будто он снова бежит по футбольному полю, а я зачарованно смотрю на него, наивно веря, что из всех девушек он выберет именно меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.